

Владимир Жуков

РАФАЭЛЬ
И
БАБЫ-ЖАБЫ

трагикомедия

18+

Владимир Александрович Жуков

Рафаэль и бабы-жабы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30852808

SelfPub; 2018

Аннотация

Художник-реставратор, решивший продать квартиру, унаследованную от брата, из-за чрезмерной доверчивости и неопытности попал в сети черных риелторов, ушедшей соседки и ее подруги, опытной аферистки. От трагического финала художника спасли верный пес Джим и мастера уголовного розыска.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Обуза для художника

За последние два-три года после выхода на пенсию художник-реставратор Евдоким Саввич Суховой превратился в отшельника. Друзья, коллеги по Союзу художников, чтобы прокормить себя и свои семьи, не стать бичами в поисках работы и пропитания, подались в страны дальнего и ближнего зарубежья, в основном в Москву и Санкт-Петербург.

Одни, подвизались рисовать портреты новоявленных вождей, криминальных авторитетов, олигархов, банкиров, звезд эстрады и кино, других «денежных мешков», жирных котов», их домочадцев и любовниц, породистых лошадей и псов, натюрморты и пейзажи. Другие мастера кисти и резца изображали на фасадах дворцов, вилл, коттеджей и особняков, что на Рублевке, во Внуково, в Балашихе и в прочих элитных местах, фамильные графские и дворянские гербы.

Зная о пристрастии Суховея к собакам, друзья убеждали, что у российских политиков, бизнесменов, банкиров, звезд шоу-бизнеса одним из атрибутов состоятельности и процветания считается не только наличие дворцов, замков, роскошных самолетов, вертолетов, яхт и автомобилей, но и породистых лошадей и собак. Некоторые из толстосумов, соревнуясь друг с другом, обзаводятся целой коллекцией, раз-

номастной сворой псов: ламбрадоры, английские мастифы, долматины, питбули, ротвейлеры, бульдоги, овчарки, доги, доберманы, боксеры, гончие, чау-чау, не говоря уже о пуделях, спаниелях, таксах, болонках... Потому, мол, без заказов и денежной работы Суховой не останется. Будет рисовать портреты не только олигархов, их домочадцев, любовниц, но и лошадей, собак и кошек. Настойчиво звали в артель свободных живописцев-гастролеров

Третьи из живописцев, прежде под трафарет штамповавшие портреты Ленина, Маркса, Энгельса, генсеков и членов Политбюро, удачно устроились в мастерских иконописи, старательно рисуя лики святых. Тоже звали с собой в белокаменную, гарантируя в месяц, как минимум 700-800 долларов, почти годовую пенсию Суховея. Если заказчик не окажется жадным, то крупно повезет, несколько тысяч «капусты» можно срубить за полотно. Так они за зеленоватый цвет называли американские доллары.

Евдоким Саввич поначалу «загорелся», появились блеск в глазах, творческий подъем и вдохновение. Вспыхнули мечты об организации персональной выставки. Но вскоре спустился с небес на грешную землю, наступило отрезвление. Он подумал: «На кого я оставлю Джима, квартиру и дачу? А тут еще с братом Никитой случилась непоправимая беда, скончался от цирроза печени, осталась его квартира с нарастающими, как снежный ком, долгами за коммунальные услуги». Решил Суховой повременить, сломя голову, не срывать-

ся с насиженного места, пока не избавится от вороха навалившихся проблем.

– Что ты, Рафаэль, такой пришибленный, озабоченный? Больно смотреть, не с той ноги встал или заболел? – оставила художника на лестничной площадке соседка сорока-трехлетняя Тамила Швец и, не дождавшись ответа, продолжила. – Глаза потускнели, вид жалкий, словно в воду опущенный. Что случилось, поделись, может легче станет, на миру, как говорится, смерть красна?

– Эх, Тамила Львовна, свалилась на мою голову беда? Сам еще не могу толком разобраться, – признался Евдоким Саввич.

– Не томи душу, Рафаэль, ближе к телу, – поторопила она. – Выкладывай, как на духу, может, чем по старой дружбе и помогу.

Художнику льстило сравнение с великим итальянским живописцем, поэтому не возражал против такого обращения.

– Досталась мне от старшего брата Никиты двухкомнатная благоустроенная квартира. Кроме меня у него никаких других родственников, одинок был, как перст. Жил холостяком-бобылем. Недавно я вступил в права наследования, документ получил.

– Так радоваться надо. Поздравлю!

– С чем поздравляешь? Чему радоваться, смерти брата? Думай, что говоришь? – упрекнул он.

– Что жилье, квадратные метры, а значит и богатство подвалило, – ответила соседка. – А что, касается смерти, так человек не вечен. Придет и наш черед. Погоревал, скупую мужскую слезу вытер и будя. Ты ведь не собираешься, как мечтал поэт, лет до ста расти без старости?

– Нет, но хотя бы еще лет пятнадцать-двадцать Господь даровал.

– Губа не дура. Значит, решил лет до восьмидесяти трех дотянуть?

– Сколько Господь отмерит, так тому и быть. Одно у меня пожелание умереть не от несчастного случая, рук злодея или, как Никита, от неизлечимой болезни, а своей естественной смертью без мучений и страданий. Заснул и не проснулся.

– Хорошее пожелание. Никто не желает боли и страданий, – поддержала Швец.

– Так вот мне эта пустующая квартира, словно корове седло или телеге пятое колесо. Растут долги за жилищно-коммунальные услуги. Как чемодан без ручки. Нести неудобно, а выкинуть жалко. Попробуй жирным крысам из ЖЭКа докажи, что я там не живу, есть свое жилье, а квартира брата пустует. Совсем обнаглели, требуют стопроцентной оплаты, хотя в квартире никто не живет. Насчитали по два куба холодной и горячей воды, будто я крокодил. А кроме того за газ, канализацию, лифт, антенну, вывоз мусора, уборку территории. Я ведь ни чем не пользуюсь. Грабеж среди бела дня! Как так можно?

– Можно, но осторожно, – съязвила Швец. – Плати по показаниям счетчиков.

– Легко сказать. Дело в том, что Никита не удосужился поставить счетчики и поэтому взыскивают по среднему тарифу потребления, будто не человек жил, а крокодил.

– Что же братец тебе свинью подложил?

– Не было денег. Перебивался с хлеба на воду.

– Может с хлеба на водку?

– Не без того, но редко. Так вот я начальнице конторы объяснял, что, если бы в квартире кто-то жил, то потребление электроэнергии в месяц составляло бы не 1-2 киловатта, а больше 100. Ведь это же элементарная логика. Не надо иметь семь пядей во лбу, а она мне в ответ, что я, мол, экономлю, сижу ночью при керосиновой лампе, свечах или включаю газовые конфорки. А на кой мне там сидеть, если есть своя квартира. У них нее цель – больше денег урвать с человека, а там и трава не расти.

– Рафаэль, таким способом у простаков за долги канцелярские крысы забирают жилье для себя и своих родственников или продают барыгам. У тебя тоже есть шанс остаться без квартиры Никиты. Так что поторопись от нее избавиться.

«Пожалуй, Тамила права, – подумал Суховой. – Надо срочно искать покупателя. Потом свою правоту никому не докажешь. Все суды продажные. Кто больше на лапу даст, тот и прав. В стране царят произвол и бардак».

– Рафаэль, почему бы тебе самому не установить счетчи-

ки, – предложила Тамила Львовна. – Тогда оплата за услуги уменьшилась бы в два-три раза.

– За какие гроши?

– У тебя, что нет левых заработков, халтуры? – удивилась она и посоветовала. – Устроился бы в рекламное агентство биг-борды и баннеры малевать. Вспомни, как в советский период, ты сорил деньгами, устраивал банкеты-фуршеты, не скупился на подарки. Зажигал, был у баб нарасхват...

– Да, было золотое времечко, мой звездный час. У кого большие деньги, у того и стадо баб. А нынче ни левых, ни правых гонораров, живу на вшивую пенсию. Никому классическая живопись, да и другие виды искусства, за исключением примитивно-развлекательного и пошлого шоу-бизнеса, не нужны. Самозванцы вожди, депутаты, чиновники не отличаются высоким интеллектом, эстетическими вкусами и уровнем образования, дилетанты в живописи, литературе, прозе и поэзии. Фанатично одержимые наживой, обогащением любыми, в том числе преступными, способами. Сейчас кто благоденствует? Коррупционеры, казнокрады, мародеры и аферисты. А для честного человека один удел – стать дешевой рабсилой для приумножения богатств олигархов, банкиров и обслуживающих их интересы президента и его банды. Дармовые капиталы, драгметаллы ослепляют и застят им глаза. О времена, о нравы!

– Рафаэль, не дави на психику, будет тебе пеплом голову посыпать, – остановила его тираду соседка и призналась. –

Ох, и сглупила, следовало вовремя твоего Никиту закадрить, была бы теперь хозяйкой его жилплощади. Тогда у тебя не возникла бы проблема с его квартирой.

– Ты не в его вкусе. Он любил блондинок, а ты – жгучая брюнетка

– Сейчас не проблема из брюнетки превратиться в блондинку или шатенку, – усмехнулась Швец. – А насчет вкуса, то многие мужчины считают, что жених или сексуальный партнер выбирает невесту или любовницу. Но все происходит наоборот, как в известной присказке: если сука не захочет, то кобель не вскочит. Так и среди людей. Любая женщина, даже некрасивая, с лица воду не пить, способна своими прелестями соблазнить вашего брата. Вы по этой части лопухи, ведь даже в КГБ для вербовки шпионов использовали «медовую ловушку», подкладывали очаровательных женщин под нужных иностранцев, обладавших государственными и военными тайнами. И твой Никита не устоял бы. Жаль, что я упустила его из внимания. Напрасно ты не свел меня с Никитой. Сейчас бы у тебя голова по поводу лишней квартиры совершенно не болела бы.

– Последние полгода брат хворал.

– Наверное, бухал, не просыхая, цирроз печени? – двинула она версию.

– Нет, инфаркт сердца.

– Царство ему небесное, аминь, – Тамила перекрестилась. «Кто бы сомневался. Конечно, не болела бы моя голова.

Ты бы квартиру быстренько на себя переоформила. Такая хваткая, что и свое не упустишь и чужое прихватишь», – подумал художник, но мысли оставил при себе.

– Квартиру без присмотра оставлять очень рискованно, – предупредила Швец. – Воры слишком ушлые. По показаниям счетчика и другим приметам могут догадаться, что в ней никто не живет. Взломают и обчистят.

– Там ничем поживиться. Более-менее ценные вещи Никита распродал во время кризиса и дефолта. Осталась лишь мебель ретро из красного дерева. Воры ведь в основном охотятся за драгоценными ювелирными и меховыми изделиями, валютой, радиоаппаратурой, а для хищения мебели нужен транспорт. Я твердо решил, сдать жилье внаем нормальному, порядочному квартиранту или семейной паре. Погашу долги и буду иметь хоть какую-нибудь копейку, а то одни убытки.

– Копейку, ломаный грош и массу неприятных проблем точно будешь иметь, – усмехнулась соседка и с серьезным видом пожурила. – Слушай и запоминай, я повторять не буду. На эту тему могу тебе целую лекцию прочитать.

– Тамила, просвети, пожалуйста, век тебе благодарен буду, – попросил художник и для убедительности признался. – Я ведь в этих делах, как баран в Библии. Поделись знаниями и опытом.

– Только по доброте душевной. Рафаэль не будь наивным лохом. Где ты по нынешним смутным временам найдешь нормального и порядочного квартиранта? Это большая ред-

кость. Раскинь мозгами, нормальные, порядочные люди давно обзавелись собственным жильем. А те, что в советское время не успели получить бесплатное жилье или не накопили средств на кооперативные квартиры, прозябают в тесных коммуналках и общагах. Лишь алкаши, жулики и бездельники остались без двора и кола. Вот они и нороят любимыми способами в чужую квартиру забраться, застолбить место под солнцем. Среди них, сплошь и рядом аферисты, рейдеры и прохиндеи.хлопотное и рискованное это дело.

– Почему оно хлопотное и рискованное?

– Придется через жэковских крыс оформлять договор о сдаче квартиры в наем, платить налоги и тебе останется гулькин нос, жалкие гроши. А ведь квартиранты столько нервом и крови испортят. Глаз и глаз за ними нужен будет.

– Другие сдают жилье без проблем, – возразил он.

– У других блат в жэках и налоговой инспекции. Кому следует, дают на лапу. А ты, как мне известно, со всеми работниками жилконторы перессорился, обозвал канцелярскими крысами. Поэтому при первом же доносе о том, что сдаешь квартиру, тебя прижучат и оштрафуют за тайную сдачу жилья внаем.

«Сама же ты первой и донесешь. Язык, что помело», – подумал художник и признался. – Да, было дело, поскандалил. Но они того заслужили. Нагло требуют оплату за вывоз мусора, телеантенну, уборку придомовой территории, уход за детской площадкой и клумбой, хотя их и в помине нет. А

ведь в квартире Никиты никто не живет и услугами не пользуется. На любой мелочи стремятся нажиться...

– Знаю, знаю, – нетерпеливо перебила его Тамила. – Это у них в крови. Как говорится, горбатого могила исправит. Хуже того, если наедет налоговая инспекция и конфискует квартиру за нелегальный бизнес и сокрытие прибыли от уплаты налогов.

– Какой же это бизнес? – удивился он.

– Сдача жилья в наем является предпринимательской деятельностью, – пояснила Швец. – В царские времена тебя бы признали владельцем доходного дома.

– В доходном доме десятки, сотни квартир, а у меня всего лишь одна от усопшего брата.

– Не имеет значения, одна или сто. Самый оптимальный вариант – продать ее по выгодной цене. И гора с плеч, никаких проблем.

Сухой почесал затылок, призадумался.

– Рафаэль. Нечего и думать, я плохое не посоветую. Рано или поздно, а лучше быстрее от квартиры придется избавляться, – вынесла свой вердикт соседка.

– Ты совершенно права. Мне на свою жалкую пенсию, оплата двух квартир не по карману, вылечу в трубу. Ума не приложу, как быть и что делать? Я в такой паршивой ситуации оказался впервые и не вижу оптимального выхода. Хоть волком вой, так на душе тошно...

– Вот чудака-человек. Мне бы твою проблему, – прервала

его Швец.— Радоваться надо, что богатство подвалило. А ты, извини за правду, из-за своей нерасторопности дурью маешься. Эх, нет возле тебя боевой спутницы. Некому интеллигента взбодрить, уму-разуму научить. А для меня ты староват, да и есть, кому меня любить и холить.

– Да, я тоже размышлял над разными вариантами, – продолжил Суховой. – Мог бы отдать квартиру в аренду какой-нибудь фирме под офис или пустить жильцов. Так ведь обманут и еще жильё загадят, что потом без капитального ремонта не обойтись. А то, гляди, преступники, наркоманы или проститутки вселяться и невозможно их будет потом выкурить. Сказывают, что эти посредники-хищники, совсем озверели, нагло предлагают свои услуги, только бы поживиться, погреть руки на чужом жильё. Здоровые мужики и бабы, нет, чтобы работать на производстве, подались в эти, прости Господи, хилейторы за шальными деньгами, только бы не мозолить рук.

– Рафаэль, ты же образованный человек, живописец, интеллеktуал, и обязан знать, что специалистов, работающих в агентствах недвижимости величают риелторами.

– А по мне, Тамила, после того, как наслушался диких и страшных историй, большинство из этих посредников отпетые мошенники и аферисты. Поэтому я к ним и не обращаюсь, опасаясь, что надуют. Боюсь, что нарвусь на афериста, останусь без квартиры брата и денег. Слава Богу, хоть своя крыша над головой есть, а ведь, сколько появилось бомжей,

бродяг и нищих, у которых мошенники забрали и квартиры, и валюту. Никому неизвестно, скольких отправили на тот свет.

– Рафаэль, а у тебя котелок варит, еще не поражен склерозом и маразмом, – польстила соседка. – Твои опасения не случайны. Хочешь узнать, какие неприятные истории могут произойти при сдаче квартиры в наем?

– Какие? Просвети, пожалуйста, – отозвался художник, заинтригованный ее таинственно вкрадчивым голосом

– Запомни или запиши, если есть провалы в памяти.

– На память не обижаюсь, узелки еще рано завязывать, – ответил Суховой и велел. – Рассказывай, я весь внимание.

– Ну, запоминай, повторять не буду, – предупредила Тамила. – Скажем, сдашь ты жилье молодой девице или женщине лет тридцати-сорока. Чтобы не платить деньги обязательно станут тебя соблазнять своими прелестями. Как ты не хорохорься, не бей себя в тощую грудь, но оплодотворить девицу, сотворить дитя уже неспособен.

– Откуда тебе знать? – обиделся художник.

– От верблюда, – отмахнулась Швец. – Слушай, не перебивай. Так вот эта девица нагуляет дитя, а заявит, что ты ее насильно обрюхатил. Родит байстрюка, останется жить не только в квартире твоего усопшего брата, но и станет претендовать на твоё жильё и имущество. Доказывай тогда в продажных судах, что ты не верблюд.

– Так отцовство проверят на ДНК и обман откроется.

– На такой дорогуший анализ у тебя денег нет, – парировала она.

– Да, с молодыми девицами лучше не связываться, – согласился Суховой.

– Хорошо, что ты прозрел. Мало того, что чужого дитя посадит тебе на шею, так еще и наградит гонореей, сифилисом или СПИДом. Ты ведь, как тот голодный кобель, особенно, когда «под мухой», перед женскими чарами неспособен устоять. За миг наслаждения придется платить.

Художник не стал возражать, а Тамила охотно продолжила:

–А вот вторая история. Сдаешь ты квартиру предприимчивому мужику или бабе, а они устраивают бордель или притон для наркоманов. Пьянки, гулянки, блуд, оргии, а может поножовщина с трупами. Квартиру превращают в злочное место. Обязательно кто-нибудь из жильцов заявит в милицию. А там, потирая руки, только и ждут такую ситуацию.

– Почему, потирая руки? – спросил Евдоким Саввич.

– Потому, что против тебя, как содержателя притона, охотно возбудят уголовное дело. Отправят в места не столь отдаленные, а квартиру конфискуют в пользу государства. Таким способом сотрудники милиции, прокуратуры, судов решают свои квартирные проблемы. Есть реальный шанс лишиться и свободы, и жилья.

– Час от часа не легче, – посетовал он.

–Или третья история. Сдаешь ты квартиру молодоженам.

Муж ее обрюхатит, родится ребенок. А права детей защищены законом и поэтому тебе не удастся их выселить. Та же ситуация возникнет, если в семье один или несколько малолетние детей. Закон на их стороне.

Художник удрученно покачал головой.

– Запоминай, четвертая история. Ушлые аферисты в съемной квартире могут организовать производство и розлив паленых водки, виски, коньяка. Хуже того, если вздумают печатать фальшивые деньги, рубли, доллары или евро. За это преступление, как и за убийство, предусмотрено самое суровое наказание. Придется тебе остаток лет провести за решеткой, на лесоповале или в карьере.

– Так не я же буду печатать дензнаки? – возразил Суховой.

– Жилплощадь принадлежит тебе. Учтут и тот факт, что ты художник и значит, приложил руку к изготовлению клише. У следователей разговор краток, признают соучастником, загремишь под фанфары. Может и по другой причине лишиться жилья.

– По какой еще причине?

– Пятая история, – соседка загнула палец с золотым перстнем. – Квартирант случайно или со злым умыслом суицида откроет газ и устроит взрыв и пожар. Потеряешь квартиру брата, еще заставят возместить ущерб, причиненный жилью и имуществу соседей. Не исключен и шестой вариант. Квартирант или семья проживут с полгода. Похитят мебель, бытовую технику, ковры, паласы, прочее имущества и съедут

в неизвестном направлении, оставив тебе долги за газ, свет, воду, телефон и прочие услуги. Ты же не будешь, как постоянной круглые сутки их контролировать.

Если начнешь жаловаться на мошенников и аферистов в компетентные органы, обивать пороги инстанций, то в темном подъезде стукнут кирпичом или арматурой по голове, испустишь дух или свихнешься, станешь инвалидом. На сданной в наем квартире разные, самые жуткие, дикие и трагические истории могут произойти с тяжелейшими для тебя последствиями. Чтобы все их перечислить не хватит пальцев на руках и ногах. Да и грузить тебя негативом нет желания. Такие вот, Рафаэль, мрачные перспективы Тебя это устраивает?

– Нет, спасибо Тамила, что просветила.

– Самый оптимальный вариант: от квартиры надо срочно избавиться, выгодно продать. Получишь валюту и кум королю, – сделала вывод соседка.

– Ох, и нагнала ты на меня страху, шибко озадачила, – с тревогой в глазах признался Суховой.

– Рафаэль, дыши ровно. Это не плод моих фантазий, а реальные истории. Не хочу, чтобы ты пострадал из-за доверчивости и беспечности. Будь бдительным, но не трусливым и все получится, – самодовольно заверила Швеца.

– Тамила, а какой твой интерес? Я же знаю, что ты без личной выгоды пальцем не пошевелишь.

– У меня один интерес, чтобы тебе хорошо было, – отве-

тила соседка с обидой за недоверие.

– Это хорошо, что ты категоричен, бдителен и подозрителен, но мир не без добрых людей. Я помогу тебе по старой дружбе выгодно продать квартиру.

– Ты же, затребуешь высокий процент от выручки, мне достанутся жалкие гроши?

– Не затребую. Я хлопочу, как говорят, ради спортивного интереса, – улыбнулась соседка. – Если подаришь букет белых роз, угостишь шампанским и шоколадом, то не откажусь, и на том спасибо.

– Я – не баловень судьбы, привык жить скромно, но лишняя копейка не помешает, – признался художник. – Упаси Господь, заболею, дорогие лекарства или срочная операция потребуются. Все ведь мы, и праведники, и грешники, ходим под Богом.

– Ты, прав, счастье не в деньгах, а в их количестве, – на свой манер перекрутила Швец, но Суховой не стал вступать в полемику, пусть мол, рассуждает в силу своей испорченности.

– По гроб жизни буду тебе благодарен. Ты уж, соседка, не подведи старика под монастырь на паперть за милостыней, – произнес он.

– Да, что ты, Рафаэль, на себя такое наговариваешь. В твоём зрелом и мудром возрасте второе дыхание открывается, жизнь только начинается. Как узнают светские львицы, что ты удачно продал квартиру и сказочно разбогател, то от

предложений руки и сердца, а главное, знойного хмельного тела, отбоя не будет. В жарких женских объятиях станешь, словно сыр в масле кататься...

– Эх, Тамила, твоими устами да мед бы пить. Знаю, я этих шальных вертихвосток. Миг удовольствия и куча проблем, – усмехнулся Суховой.

– Какие еще проблемы? За тобой, еще рано горшки выносить. Крепкий аксакал или саксаул с кавказским темпераментом и благородными сединами, что нынче очень модно и импозантно, – одарила она его комплиментом.

– Бабы хитрющие, сразу требуют официально зарегистрировать брак и переписать на них квартиру и имущество, а советские деньги, что хранил в банке на «черный день» сгорели. Некоторые особы, что согласны жить в гражданском браке, настаиваю на оформлении дарственной. Сколько случаев, когда такие ушлые «невесты» и сожительницы раньше срока отправляли стариков на тот свет и чаще всего травили газом, как будто несчастный случай, или ядом. Дед грибы поел и скovyрнулся...

– Упаси, Господь, что ты такое ужасное несешь, прямо мороз по коже?! – округлила черные глаза Швец и согласилась. – Конечно, лучше с незнакомыми, чужими людьми не связываться. Доверять надо только проверенным, надежным риэлторам. Вполне разделяю твою тревогу. Сейчас столько мошенников и проходимцев, аферистов вокруг, – согласилась она. – Ты прав, в газетах печатают, по телевизору пока-

зывают, как аферисты добрых и честных людей превращают в лохов. Но не грызи свое сердце, не грусти, а то на почве переживаний есть риск заболеть раком. Часто причиной злокачественных опухолей являются скорбь и печаль. Поэтому выше голову сосед, мир прекрасен и удивителен! А все остальное суета сует...

– Помоги, Львовна, советом или делом. Ты – женщина мудрая и опытная, – с мольбой поглядел он на соседку.

– Именно, не практичные и тихие, как ты, являются легкой добычей, лохами и жертвами всяких мошенников. Поэтому держи ухо востро. Твое счастье, что обратился ко мне. На каком этаже пустующая квартира? – перешла она на доверительный тон.

– На шестом.

– Под офис не подойдет, коммерсанты предпочитают первые, в крайнем случае, вторые этажи. Внаем сдавать не советую. Сейчас разные люди, но честные встречаются редко, потому, что каждый норовит нажиться на других. Может произойти так, что, предположим, сдашь ты квартиру и, конечно же, временные жильцы не будут экономить, а на полную катушку станут использовать, живя по принципу: после нас хоть потоп, электроэнергию, воду, газ, а телефон превратят в международный узел связи.

Много таких случаев, а потом тайно съедут, оставив тебе долги на сотни, а то и тысячи долларов. Сплошь и рядом так происходит, за всеми не уследишь. Потом у человека за

большие долги по суду описывают и забирают мебель, телевизор и другие ценные вещи и имущество. А если сумма задолженности велика, то изгоняют из квартиры в общий барак или вообще на улицу. Поэтому столько бомжей, бродяг, нищих и убогих. Они обитают на вокзалах, помойках, подвалах в поисках пищи и ночлега. Я бы никому, в том числе и тебе, Рафаэль, не пожелала такой ужасной участи и судьбы.

Швец смахнула с ресницы слезинку и призналась:

– Бездомных собак, кошек жаль, а тут ведь люди страдают из-за подлости и коварства.

– Спасибо тебе, Тамила, что предупредила. Я ведь в этих житейских, бытовых вопросах полный дилетант, – признался Суховой. – Чувствую себя неуверенно, смущаюсь. Опытным мошенникам сразу бросается в глаза. Легко могут обвести вокруг пальца. Это меня и сдерживает от активных действий, а время идет, долги растут, как грибы после дождя.

– Да, Рафаэль, твои эмоции ярко выражены на лице – жалкая улыбка, испуг в грустных глазах, – согласилась женщина. – Чтобы избавиться от этих, подрывающих психику, сомнений и мучений и постоянно не возвращаться к теме, следует выгодно продать квартиру. И все дела. Зачем тебе постоянная головная боль?

– Я тоже так считаю, – воодушевился художник. – Помоги мне найти нормального порядочного клиента, чтобы он меня не кинул, как последнего лоха. Ты же знаешь, я не хапуга, много не запрошу, по средней цене, чтобы часом не проде-

шевить. Обидно, если меня обманут...

– Чем смогу, тем и помогу, – отозвалась Швец. – А вообще, сосед, тебе большие деньги противопоказаны.

– Это почему же? – удивился Суховой.

– А потому что там, где большие бабки, там молодые бабы. Они на валюту липнут, словно мухи на мед, – заявила она. – Я знаю, что ты охоч до женского тела. Житья мне не будет от твоих ночных кутежей и оргий. Превратишь квартиру в притон для алкашей и проституток. Мне придется постоянно вызывать милицию. Миг удовольствий и куча проблем. Оно тебе надо?

– Что ты предлагаешь?

– Чтобы ты молодых баб не любил, а со мною дружил.

– Какой мне прок от твоей дружбы?

– Все будет зависеть от твоей щедрости, – кокетливо улыбнулась Швец. – А заразных проституток я в своем подъезде и на лестничной площадке не потерплю. Ослаблю тебя на весь город.

– Эх, Тамила, не переживай, отвык я от баб, – признался он. – У них ведь одна цель, чтобы я заключил брак и отписал квартиру и все имущество. Поэтому баба с воза, кобыле легче. А тишину и порядок я тебе гарантирую.

2. Подготовка к банкету

– Это я от тебя и хотела услышать. Тебе здорово повезло,

у меня есть закадычная подруга Виола Леопольдовна. Она – риелтор агентства недвижимости «Очаг», опытный специалист, в этом сложном деле ни одну собаку съела.

– Собаку? Так и меня съест? – всполошился Суховой. – Она, что корейка?

– Не корейка. Съела в переносном смысле, поговорка такая.

– Часом она не еврейка? – допытывался Евдоким Саввич.

– Да ты что, белены, объелся?! – вытаращила глаза Тамилла. – Она на 70 процентов француженка...

– А на 30 процентов кто? – предположил он.

– Уймись, у нее отец украинец из Тернополя, – возразила Швец и вкрадчиво спросила. – Что ты имеешь против евреев?

– Они слишком хитрые, норовят надуть, – твердо заявил художник. – Мы живем и работаем по принципу: прежде думай о Родине, а потом о себе, а они испокон веков гребут под себя, из всего извлекают личную выгоду. Надо ухо востро держать.

– Не клевети на моих соплеменников.

– Какая же это клевета, если исторические факты – упрямая вещь, – оживился Суховой.

— Хватит, Рафаэль, хватит! Слушать не хочу, – заявила Швец, закрыв уши ладонями. – Тебе, наверное, темечко напекло. На евреях свет клином не сошелся, поэтому не вешай на них всех собак. Среди них есть честные, порядочные лю-

ди...

– А-а, правда-матка глаза колет.

– Не отвлекайся от темы, – велела Тамила. – Виола Леопольдовна больше пяти лет успешно трудится риелтором на рынке вторичного жилья. Занимается маркетингом и менеджментом, знает спрос и предложения, котировку цен на простое и элитное жилье. Настоящий профи.

– Не приведи Господь, если какая-нибудь аферистка, – засомневался сосед.

– Рафаэль, побойся Бога, я Виолу Леопольдовну знаю, как свои пять пальцев, – заверила Швец. – Не трусь, можешь на меня положиться, я тебя в обиду никому не дам. Виоле доверяю, как самой себе, еще ни разу не подвела, как говорится, под монастырь, а точнее, под синагогу.

– Благодарю тебя за поддержку, – Суховой склонил голову. – Верно, говорят, что мир не без добрых людей.

– Помоги ближнему. Я следую этой библейской заповеди, – с удовольствием призналась Швец. – Люди – одна большая родня, ведь род земной пошел от согрешивших в райских кущах Адама и Евы.

– Тамила Львовна, я в этих мудреных маркетингах не разбираюсь, но как бы мне с нею встретиться, время ведь не терпит?

– Нет проблем. Пригласи нас в ресторан «Фея», «Гюйс», или в казино «Золотое руно», так поступают деловые люди. Там за бокалами шампанского, коньяка и изысканными блю-

дами обсудим все вопросы.

– Не люблю я по ресторанам и другим шумным публич-
ным местам ходить, – возразил старик и, не скрывая своей
тревоги, признался. – Так вы меня по миру пустите. Откуда
у нищего пенсионера средства на рестораны и казино, едва
концы с концами свожу.

– Тогда пригласи в свою холостяцкую берлогу, на чай, –
предложила Тамила. – Только имей в виду, не приставай к
ней с телячьими нежностями. Виола, женщина властная и
таких вольностей не прощает.

– За мною такое не водится. Вышел из юного возраста.
Кстати, сколько ей лет?

– Пятого августа стукнет тридцать восемь лет. Осталось
меньше полутора месяцев. Завяжи узелок на память, не за-
будь поздравить и преподнести шикарный подарок. Она по
знаку Зодиака лев, поэтому советую купить золотую цепоч-
ку с этим знаком. Да не скупись, в глазах льва должны свер-
кать не стразы Савровски, а натуральные бриллианты. Виола
в восторге от драгоценностей.

– За какие шиши?

– Возьми кредит в банке.

– Обойдется, не хочу в кабалу влезать. Лучше скажи, она
свободная женщина или замужем?

– Ах, старый ловелас, губу раскатал. Решил, значит, кли-
нья подбить? – ревностно отреагировала Швец, вогнав его в
краску. – Не вздумай ей сделать непристойное предложение,

а тем более, брать силой. Виола сама решает с кем, когда и где ей спать.

– Даже в мыслях такого не было. Поинтересовался, не загружена ли она семейными заботами. Так замужем или?

– Спросишь ее об этом лично, а я таких справок не даю. Но думаю, эта встреча для тебя будет очень и очень полезной во всех отношениях, – обнадежила она.

– В таком случае, если ничего не помешает, то жду вас завтра вечером. Почаевничаем с малиновым вареньем, калиной и лимоном. Восполним весенний дефицит витаминов.

– Погоди. Виола слишком занятой человек. У нее все расписано по часам и минутам, – жестом руки остановила его соседка. – Я сейчас с нею свяжусь по мобилке. Вдруг у нее важное совещание или мероприятие. Так мне звонить, ты сумеешь подготовиться к завтрашнему приему?

Суховей молчал, соображая.

– Рафаэль, не тяни kota за хвост. Куй железо, пока горячо. Другого случая может и не быть, – поторопила его Швец. – Сейчас я добрая и готова свести тебя с ценным и полезным специалистом.

– Звони. Почаевничаем с малиновым вареньем, калиной и лимоном от простуды, чтобы пропотели, как следует, – со знанием средств народной медицины пообещал художник.

– Типун тебе на язык, не каркай, – осадил его Швец. – Какая простуда и пот? Что ты несешь? Мы здоровы и тебе того же желаем. Ты нам организуй такой чаек, чтобы кровь

взыграла и глаза заблестели.

– Что ж это за чай такой? Индийский, цейлонский с жасмином или грузинский? – в недоумении почесал он затылок.

– Да, грузинский, первого сорта, – передразнила она и строго велела. – О том, чтобы выставить чачу или самогон даже и не думай.

– В таком случае, я угощу ее овсяной кашей с малиновым вареньем. Вкуснятина, пальчики оближешь, за уши не оттащишь, – заверил Суховой.

– Извращение, это корм для жеребцов, – скривила гримасу соседка.

– Не извращение, а угощение, – возразил он. – Пикантное блюдо. Конечно, такую кашу медом не испортишь, но у меня, к сожалению, нет пасеки. А цены на мед очень кусаются.

– Не прибедняйся, наверное, прячешь валюту в чулке? – усмехнулась Тамила.

– Нет ни чулка, ни стеклянной банке, – вздохнул художник. – Вся пенсия уходит на еду и оплату услуг ЖКХ. Не забывай, что на моем иждивении Джим, а он питается наравне со мной.

– Давно надо было от пса избавиться, сдать его в живодерню, – упрекнула Швец. – Из-за него подъезд мочой и псиной пропитался.

– Джим не виноват, это бомжи и алкаши под лестницей устроились. Пес для меня вместо сына или брата. Без него я бы от одиночества и тоски дуба дал.

– Дуба дают могучие и богатые люди, а такие, как ты, выпускают дух и в коробок сыграли.

– Тамила, не придирайся к словам, – оборвал он. – Мне без разницы, дуба дал, или в коробок сыграл. На том свете все равны: и богатые, и бедные. Их одинаково черви едят...

– Фу, настроение испортил словами о трупах, – отмахнулась она рукой. – Говори о позитивном и приятном.

– Чему радоваться, зубы скалить, когда долги растут, а денег нет, – напомнил Суховой о своем бедственном положении. – Если твоей подруге не нравится овсянка, то отварю картошечки в мундирах, открою закатки с солеными огурчиками и помидорчиками, баклажанную и кабачковую икру собственного приготовления. Вкуснятина, пальчики оближите...

– Рафаэль, ты что, сдурел, белены объелся? – вытаращила она лупатые глаза. – Это же мужицкая, крестьянская еда. Виола Леопольдовна – светская дама, а не пахарь. Она привыкла к элитным, изысканным напиткам и деликатесам.

– Так я и предлагаю здоровую пищу без ГМО, нитратов и сульфатов, – заверил художник.

– Пошел к черту со своей картошкой. Не вздумай поставить ее на стол. Я такого позора не вынесу, а Виола Леопольдовна сразу сбежит от такого деликатеса.

– Не сбежит. Для возбуждения аппетита угощу вас домашним красным вином из Изабеллы и Саперави, а также белым Шардоне или Мускатом, – самоуверенно сообщил он.

– Вино хоть крепленное? – поинтересовалась Тамила.

– Нет, вино сухое и десертное двухлетней выдержки.

– Представляю, какое оно кислое, скулы сводит и першит в горле, – соседка, словно раздавив во рту клюкву, изобразила гримасу.

– Наоборот, приятное, как Шардоне, Буссо или «Солнце в бокале», – заверил художник. – Я выжимки и косточки из сока удалил и поэтому терпкость минимальная.

– Удивляюсь, как тебе удалось домашнюю бурду сохранить целых два года. Почему не вылакал?

– Знаю меру, я не алкаш.

– Кто бы говорил о мере, – рассмеялась она. – Лучше бы припас виноградных улиток. Виола Леопольдовна обожает этот пикантный деликатес.

– Вот еще чего придумала? Сбор улиток подобен ловле блох. Сама этим занимайся.

– У меня в отличие от тебя, буржуя, нет ни дачи, ни виноградника.

– Тамила, не сбивай с мысли. Сдались тебе те улитки? Я хочу сказать, что виноделие – одно из самых древних занятий...

– Разве? Все считают древнейшим занятием проституцию, – констатировала Швец.

– Согласен, – не стал он перечить и продолжил. – Виноделие сродни уникальному искусству. Если бы я с юных лет не увлекся живописью, то стал бы виноделом или дегустатором

вин – сомелью.

– Таким же бездарным, как и художником. Через пару лет спился бы и окошел в сточной канаве под забором, – сурово предрекла соседка.

– С тобой бесполезно спорить. Писатель и драматург Максим Горький восхищался людьми, которые умеют делать прекрасные вина. А поэтесса Марина Цветаева сравнивала свои стихи, которым придет черед (и он пришел), с драгоценными винами.

– Тоже мне винодел-кустарь. Виноград, наверное, своими волосатыми потными ногами в бочке давил? Хорошо, что Виола не слышит этого дикого предложения. Мы к твоей кислятине даже не прикоснемся, чтобы не случился жидкий стул или хуже того отравление.

– Не бойся, Тамила, проверено на собственном желудке.

– Все равно это брага, бурда для холопов, а Виола Леопольдовна – дама благородных кровей. Подавай нам марочные, а лучше коллекционные вина из голицынских погребов Массандры и Магарача. Накроешь «поляну» и выставишь шампанское «Новый Свет», Мускатное или «Французский бульвар». А под занавес пиршества армянский коньяк «Ararat», чтобы не меньше пяти звездочек. Его английский премьер Черчилль любил смаковать...

– Не жирно ли?

– Не жирно. И насчет аппетита не переживай. Виола Леопольдовна еще ни разу не жаловалась на отсутствие аппети-

та. Скоро сам в этом убедишься.

– За какие средства мне вас угощать?! – возмутился Суховей. – Пусть вас Черчилль потчует.

– Не прибедняйся, развяжи чулок. Знаю, что скопил валюту из гонораров.

– Если бы. Нет заказов на портреты и пейзажи, нет и валюты, – пожаловался Евдоким Саввич. – Перебиваюсь на вшивую пенсию.

– Рафаэль, не скупись, игра стоит свеч. Никто, кроме Виолы Леопольдовны, тебе в этом серьезном и сложном деле не поможет на выгодных условиях совершить продажу недвижимости. По своей наивности и доверчивости попадешь в сети матерых аферистов. Мошенников сейчас, хоть пруд пруди. Они из тебя последние гроши вытрясут, еще в долгах останешься.

Риск оказаться на бобах встревожил и озадачил Суховей.

– Так уж и быть, выставлю на стол бутылочку марочного вина «Массандры», – деловито произнес он и для убедительности сообщил. – Французы почти каждый день вместо компота пьют красное вино и поэтому долго живут. А еще у меня есть вино из Муската, Изабеллы, Кокура, Алиготе и Рислинга. Целая коллекция на любой вкус...

– Рафаэль, пошел ты к бесу со своим дрислингом. Виола на самодельное зелье даже не посмотрит. Только опозоришь себя и меня, – проворчала Тамила.

– Вино для организма очень полезло, если его пить в меру.

Для букета добавляю в него малину, смородину, ежевику и калину.

– Хоть шоколадом, мармеладом и птичьим молоком разбавляй, а все равно бурда, – с презрением заявила соседка.

– Не бурда, а бордо, – возразил художник.

– Ох, Рафаэль, не смеси мои тапочки.

– Вино содержит глюкозу, минералы и дубильные вещества, – продолжил он.

– Вот именно, дебилы, потому ты такой заторможенный, – усмехнулась Швец. – Как до жирафа, на трети сутки доходит. Виола, если и пьет вина, то марочные или коллекционные, удостоенные орденов и медалей.

– Орденов? Что-то я не слышал, чтобы вина награждали орденами, – возразил художник. – Знаменитых виноделов награждают, а вина нет, только медалями.

– А тебе даже деревянной и жестяной медали за бурду не дадут, – уязвила она соседа и категорично заявила. – Ты же давил виноград в бочке или корыте волосатыми, потными ногами.

– Самодельным прессом, – признался Евдоким Саввич.

– Не жадничай, а купишь то, что я велю, иначе сделка не состоится, – строго предупредила она.

После паузы он с видом обреченного согласился:

– Ладно, поднатужусь. Как-нибудь до следующей пенсии дотяну, перебиваясь с хлеба на воду.

– Вот и чудесно! – обрадовалась соседка и не упустила

возможности попенять. – Так бы сразу, то ломался, как красна девица. И хочется, и колется и мамка не велит. А чтобы тебя со старческим склерозом не надули, словно резиновую куклу, я составлю подробный список продуктов, необходимых к столу.

Она за десять минут на листе бумаге написала перечень и подала художнику.

– Что ты здесь нарисовала? Это же обжорство, чревоугодие, – посетовал он. – Я думал, что обычно во время таких деловых встреч обходятся чаем, кофе с мороженым или шоколадом.

– Индюк думал и в суп попал, – укорила его Швец. – Запомни народную мудрость о том, что не оскудеет рука дающего. А то получится, что пей – вода, ешь – вода, ныть не будешь никогда. Кстати, купишь три палки колбаски, не ливерной «собачьей радости», а копченой.

– Почему так много?

– Сам потом поймешь, что Виола Леопольдовна не страдает отсутствием аппетита. Лучше, если продукты останутся, чем их не хватит. Виола должна встать из-за стола сытой по горло. А ты обязан сообразить, что эти временные расходы очень скоро в стократ окупятся сторицей. Если бы я продавала квартиру, то предвидя богатый куш, ни за чтобы не поскупилась. А ты, Рафаэль, на старости лет превратился в зануду и скрягу.

– Не превратился.

– Тогда не умничай, готовь деньги и большую сумку. Виола слишком занятой человек. У нее все расписано по часам и минутам, – жестом руки остановила его соседка. – Сейчас с ней свяжусь по мобилке. Вдруг у подруги важное совещание или мероприятие.

Соседка набрала номер, Суховой отчетливо услышал диалог.

– Привет, Виола, у меня к тебе деликатная просьба.

– Какая, о чем речь?

– Надо срочно помочь хорошему человеку, дедуле, почти инвалиду умственного труда, выгодно продать двухкомнатную квартиру, причем на льготных условиях, не более трех процентов от суммы сделки.

– Тамила, я бы с радостью, но очень загружена, от солидных клиентов, богатых Буратино нет отбоя... но если ты просишь и настаиваешь...

– Очень прошу, как для себя. Ты же знаешь, что я по пустякам тебя беспокоить не стала бы. А здесь довольно выгодное дело, такой шанс выпадает редко.

– У меня все дела прибыльные, а за провальные я не берусь, – заметила риелтор.

– Очень душевный, безотказный человек, Евдоким Саввич. Я его величаю Рафаэлем, потому что он художник и очень гордится этим сравнением. Ты тоже его так называй, чтобы сделать приятное хорошему человеку. А то ведь больно видеть, как страдает из-за пустяковой проблемы. Потерял

аппетит, с лица сошел, на глазах усыхает и тает.

– Не говори ему, что проблема пустяковая, не сбивай цену за услуги, – велела Баляс и усмехнулась.

– Может, твой дедуля втюрился в какую-нибудь хитрую и коварную самку?

– Вполне возможно в шестьдесят пять лет, – ответила Тамила. – Импозантный мужчина, а после продажи квартиры, еще и состоятельным станет. Даже женщины наших цветущих лет сочтут за счастье, если не обвенчаться с ним, то пожить в гражданском браке, пока способен... Однако разговорились, ближе к телу. Как у тебя, Виола, завтра вечером со временем?

– Могу выкроить два часа, отложу культпоход в театр.

– Рафаэль приглашает нас к семнадцати часам на чай с малиной, калиной, изюмом и лимоном.

– На чай? Пусть он сам чай с изюмом гоняет. Экзотические фрукты полезны, но ты, же знаешь, что я люблю шампанское и коньяк. Объясни старику в популярной форме, что без этих благородных напитков, «жабичих лапок», французской горчицы и другой вкуснятины любая деловая встреча обречена на провал. Закажи своему живописцу, что купить.

– Виолочка, я все поняла, проведу артподготовку. Он подсуетится, не ударит в грязь лицом, обязательно накроет, если не поляну, то лужайку. До встречи!

– О, кей, душечка. Обнимаю и целую в алые губки, пока, моя драгоценная.

– Тамила, ты почему меня выставила инвалидом умственного труда, чуть ли не недоумком? – обиделся Суховой.

– Какой же ты, право, капризный тугодум. Я же для твоей пользы стараюсь, чтобы разжалобить ее, вызвать сострадание, – пояснила соседка. – Если бы я представила тебя здоровым быком, без седины, с сытой мордой и румянцем на щеках, то она бы пальцем не пошевелила. Слышал, чего мне стоило ее уговорить. У Виолы куча богатых клиентов и поклонников, нечета тебе, голодранцу. А ты предлагаешь чай с лимоном, а может с позеленевшим от старости сухарем или ржавой килькой, как в забегаловке. Слушай, что тебе говорит умная женщина...

– Наверное, не столько умная, сколько хитрая, – вставил он реплику.

– Это одно и то же, ведь хитрая женщина не может быть глупой, – подметила она. – Так вот, чтобы тебе улыбнулась фортуна, любое дело следует начинать и завершать банкетами или фуршетам, иначе все пойдет прахом, коту или твоему Джиму под хвост.

– У меня нет печатного станка для купюр.

– Развяжи чулок, в который прячешь сбережения на «черный день».

– Нет у меня чулка.

– В таком случае, одолжи деньги у десантника Гребня. Санек компанейский парень, не откажет.

– Неудобно, молодая семья с ребенком.

– Неудобно штаны через голову одевать. Спрос не ударит в нос, – возразила соседка. – Коль такой щепетильный, то возьми кредит в банке.

– Бесплатно только в морду дают. Потребуют в залог квартиру или имущество.

– О-о, Рафаэль, я нашла выход! Сдай в ломбард или продай столовое серебро или что-нибудь из антиквариата.

– Столовое серебро? Ни за что на свете! Это семейная реликвия.

– Как знаешь, сам выкручивайся, но, хотя бы «лужайку» должен накрыть, иначе удачи не видать. Такая вот народная примета.

Сухой озабоченно почесал затылок, осознавая, что расходы неизбежны.

– Не будь жадиной. Стол должен ломиться от напитков и разных деликатесных и пикантных блюд, иначе делу – труба! Виола обидится и пальцев не пошевелит, чтобы помочь.

– Чувствую, что не делу, а моим скромным сбережениям будет труба, – уныло произнес художник. – Эх, бабы, любите вы погулять за чужой счет.

– А что ж ты хотел, на чужом горбу въехать в рай? Не получится, сейчас рыночная экономика, за все платить надо звонкой монетой, а лучше евро и долларами, – заявила она и с оптимизмом продолжила. – Ты в панику не впадай, все эти неизбежные расходы тебе окупятся сторицей. Пока все складывается отлично. С такой верной подругой, как Виола

Баляс, хоть в огонь, вода, да и медные трубы не страшны, не подведет, выручит.

– Спасибо, Тамила, чтобы я без тебя делал? А какой она предпочитаете чай? У меня целая коллекция: цейлонский, индийский, японский, грузинский?

– Спасибо в карман не положишь, – напомнила Швец.

– Организуй нормальный чай, чтобы стол ломился и душа радовалась. Значит с шампанским, коньком и водкой, разными там деликатесами: черная, красная и паюсная икра балык, сыр, цитрусовые, маслины, соки и обязательно купи «жабичи лапки».

– Фу, какая мерзость! – отозвался Суховой. – Сама, что лягушатину жрать будешь?

– Ты так говоришь, потому что не пробовал этот деликатес, а Виола три года прожила в Париже. Стала настоящей француженкой, гурманкой. Она страсть, как обожает эти лапки, смакует. Аж, за ушами трещит, испытывает райское наслаждение. Еще она любит устриц, омаров, лангустов и улиток, – сообщила Швец.

– Тамила, с таким царским меню вы меня разорите, по миру с сумой пустите. Может ей еще приготовить саранчу в соусе и тараканов в запеканке?

– Гляжу, ты не только в живописи разбираешься, но и в кулинарии, – ухмыльнулась соседка. – Кстати, можешь предложить Виоле позировать. У нее лицо, тело, грудь, фигура – великолепны, как у Сикстинской мадонны. Она охотно со-

гласиться, но для приличия немного поломается, чтобы набить себе цену.

– Только в обнаженном виде, в качестве натурщицы, – заметил Суховой.

– Как договоритесь? Она – дама современная, деловая, пожалуй, и согласится, ведь красоту ничем не опорочить, тем более, что от тебя, как от мужчины, угрозы уже нет, – ответила Швец. – А вот я ни за что перед мужиком не разденусь, хоть ты тресни! Такая вот уродилась, застенчивая и скромная...

– Да уж, от скромности ты не умрешь, – с иронией заметил художник-реставратор, подсчитывая, во сколько ему обойдется пиршество с деликатесами.

– Не скупись, как тот старый Абрам, что постоянно плачет, развяжи чулок. Когда еще к тебе, одинокому плешивому холостяку, пожалуют в гости две очаровательные женщины. Не забывай, что после выгодной сделки, ты станешь без пяти минут богатым человеком, завидным женихом. Когда у тебя появится куча долларов или евро, то почувствуешь настоящий вкус жизни. Молодые женщины к тебе станут проявлять повышенный интерес.

– Да, бабы любят деньги, роскошь, драгоценности, – согласился он. – Только я не лыком шитый, смогу разобраться, кто, чем дышит и какие козни строит, чтобы мое имущество прихватить. Брак регистрировать не стану, в квартиру не пропишу. Если она окажется вредной, не приведи Гос-

подь, то прогоню к чертовой матери...

– Если к тому времени ребеночка сотворите?

– Тогда другое дело, придется нести крест до гробовой доски, – почесал затылок художник.

– Дай то, Бог нашему теляти волка сожрати. Ох, девичья память, надо бы узелки завязывать, чтобы не забывать! – всплеснула пухлыми руками соседка. – У тебя, скряги, наверное, в холодильнике шаром покати? Нечего и на стол будет поставить.

– Живу скромно, не до жиру, быть бы живу, – вздохнул Суховой и признался. – В холодильнике несколько курячих крылышек, бараний требух, говяжьих кости для Джима, сало, кефир, молоко, десяток куриных и пяток перепелиных яиц, а из овощей картошка, обязательно лук, хрен, редька и чеснок против разных микробов...

– И это все твои припасы? – удивилась Швец. – Фу, так у тебя кроме собачьей еды ничего стоящего нет. Стыдно, господин художник, пригласил знатных дам, а у самого шаром покати, – посетовала соседка.

– Сам готов голодать, перебиваясь с хлеба на воду, а Джима без корма не оставлю, потому что он никогда не предаст. А человек, каким бы он золотым не был, всегда себе на уме, преследует личные интересы, действует по принципу: своя рубашка ближе к телу...

– Будя тебе меня поучать, мы, как говорится, сами с усами, – оборвала его Тамила и, действительно, над верхней,

да под нижней губами, густо росли ворсинки, с которыми она тщетно боролась с помощью пинцета, импортных мазей и кремов. – Ты что же собираешься Виолу потчевать требухой и костями?

– Нет, но на деликатесы не рассчитывайте, у меня нет ска-терти-самобранки, – предупредил художник. – Отварю картошки в мундирах под соленые огурчики, сварю гречневой или манной каши, сжарю яичницу с салом, приготовлю салат из квашеной капусты с цыбулей. Закуска на первый случай вполне сойдет...

– Эх, Рафаэль, отстал ты от жизни, одичал и отбился от рук. К такому грубому корму Виола своими алыми губками и золотыми зубками не прикоснется, разговаривать с тобой не станет. Посчитает за издевательство и оскорбление. На меня будет дуться, с кем, мол, познакомила. Надо так угостить, чтобы у нее дух от твоей щедрости и восторга захватило.

– Денег нет, сам сижу на бобах.

– Вот и доставай бабки, не скупись, – велела она.

– Мне самому много не надо, я ведь пенсионер, энергию никуда не расходую. С женщинами стараюсь не связываться, чтобы аферистки не обманули.

– Не густо, Рафаэль, я считала, что ты деликатесами объедаешься. Нечего будет и на стол выставить, а Виолу следует встретить достойно, хорошо угостить, чтобы у нее от визита осталось яркое впечатление и желание помощь в твоих тяжбах. Вот что, времени у нас в обрез, а еще ничего не гото-

во. Живо, одна нога здесь, другая там, возьми большую сумку и сбегай в магазин. Купи полкило, нет лучше килограмм балыка из осетра или севрюги, голландского или российского сыра, разных колбас и обязательно «жабичи лапки», баночку натуральной горчицы по-французски, Виола их очень обожает. А также цитрусовых побольше, лимоны, апельсины, грейпфрут, киви, авокадо, хурму, гранат, морской капусты, морковчи... Все это очень полезно для организма...

– Не таракти, уймись, Тамила. Знаю, что полезно все, в рот полезло, но у меня не стол заказов. Сам едва свожу концы с концами, привык по одежке протягивать ножки, – оборвал ее художник. – Устрою я вам шведский стол... Привезу с дачи зелень, щавель, укроп, сельдерей, крапиву и петрушку и ты сготовь украинский борщ.

– Пошел ты на хрен со своим борщом и столом, поезжай с ним к шведам, а мы любим, покушать до отвала, – заявила соседка. – К тому же, ты мужик крепкий, не скоро протянешь свои кривые, как у кавалериста, ножки...

– Ты тоже, Тамила, не красавица, с детства на бочке сидела, – не остался он в долгу.

– Ладно, не заводись и не жадничай, – примирительно произнесла она. – Доставай и развязывай свой чулок. Знаю, что тебе в советское время за мазню, портреты Ленина, Маркса, Энгельса и членов Политбюро, разную там наглядную агитацию щедро платили. Не будь скрягой, ты ведь не пьешь, не куришь и на женщин не тратишься. Куда только

деньги деваешь? Наверное, в матрас прячешь, подпольный миллионер?

– Мои скромные сбережения на «черный день» на сберкнижке сгорели. Проклятая инфляция все обесценила, гол, как сокол, – пожаловался Суховой.

– Это твои проблемы, надо было золото или валюту, доллары покупать, – заявила соседка. – Виола Леопольдовна – светская женщина, можно сказать, львица. Она знает себе цену, к кому попало в гости не пойдет и за один стол не сядет, чтобы поднять бокал. Не забывай, что скупой платит дважды. Все твои мелкие расходы после удачной сделки окупятся сторицей.

– Ладно, погляжу, что за жар-птица эта твоя Виола Леопольдовна, – вздохнул художник и строго велел. – Впредь приказывать мне не смей, не жена, чтобы командовать парадом. Что решу, то и куплю. Как говорится, дареному коню в зубы не смотрят, все равно скушаете, не оставите.

– Твое счастье, что я не твоя жена. Ты бы у меня по струнке ходил и не огрызался. У меня, несмотря на мягкий и добрый характер, рука тяжелая, как огею, скалкой или чугуновой сковородкой, надолго запомнишь. Ладно, маляр, беги в магазин, нечего лясы точить. Надо к приему Виолы подготовиться, как следует, не ударить в грязь лицом. От ее впечатления и настроения будет зависеть исход дела. Такого, как она профессионала, во всем городе днем с огнем не найти. Тебе крупно повезло, что я не осталась равнодушной к твоей

проблеме. Ну, что стоишь, как истукан?

– Давай деньги, Тамила, – протянул он руку.

– Какие еще деньги? Ты, что, свихнулся на старости лет? Это не я, а ты пригласил Виолу к себе в гости, поэтому будь добр, плати, не перекладывай расходы на хрупкие женские плечи. У людей твоего возраста нередко случаются провалы памяти, поэтому я составлю список чего и сколько взять на рынке и в магазине. Ты должен на Виолу Леопольдовну произвести самое благоприятное впечатление. Тщательно побрейся, надушись, но не «Шипром», а одеколоном «Тет-а-тет». Предстань перед Виолой Леопольдовной, не босяком, голодранцем, а во всей красе, пусти ей пыль в глаза... Коль нейметя, то разрешаю легкий флирт. Но он обойдется тебе недешево. Виола обожает дорогие подарки.

– Ни легкий, ни тяжелый флирт, я ведь не собираюсь на ней жениться? Зачем без нужды искушать и обнадеживать?

– Не скажи, пока человек жив, ему хочется. К тому же человека встречают по одежке, а провожают по уму. Надень, как в молодые годы, черный фрак с бабочкой

– Нет у меня ни смокинга, ни фрака. Обносились, а бабочка улетела в теплые края.

– Тогда костюм-тройка сойдет. Обязательно белую сорочку с шелковым галстуком, зажимом с сапфиром и запонками с бриллиантами...

– Вот, куда тебя занесло. Я ведь не олигарх. Нет у меня ни сапфиров, ни бриллиантов, – вздохнул художник.

– Прогулял, пропил? Тебе за мазню приличные гонорары платили? Аль на чужих баб, вертихвосток спустил?

– Был скромный вклад на сберкнижке на «черный день», но во время развала СССР сторел, – вздохнул Суховой. – Тогда не только я, а миллионы людей пострадали от гиперинфляции.

– А я вот не пострадала, потому, что скупала ювелирные изделия из платины, золота, серебра с драгоценными камнями. Надо было со мной посоветоваться, а не надеяться на вшивые проценты.

– Не все же такие, как ты, хитрые.

– И все же, Рафаэль, представь, что ты на дипломатическом приеме и вокруг соблазнительные дамы. Тогда, восхищенная твоим солидным видом и славянским гостеприимством, моя подруга охотно решит проблему, найдет надежного денежного покупателя. Иначе никто тебе не поможет, и будешь мыкаться с квартирой, как дурень с торбой. Накопишь долги перед ЖЭКом, там только об этом и мечтают, и выгонят тебя, а жилье конфискуют в пользу государства. В городе уже много таких случаев. Ты же, Рафаэль, не хочешь протянуть ноги, где-нибудь под забором, как бомж, чтобы потом в целлофане в общей могиле похоронили?

– Никто этого не хочет, – ответил он.

– С сервировкой стола я тебе помогу. Прочь общепитовские тарелки, вилки, ложки, ножи. Доставай, Рафаэль, фарфор и фаянс, хрустальные графин, салатницы, селедницы,

конфетницу, фужеры и рюмки. Обязательно выстави свой серебряный сервиз на восемь персон...

– Зачем на восемь, нас же будет трое? Или кого-то из дармоедов притащите?

– Никого не притащим, а для того, чтобы произвести впечатление. Не часто в твоей холостяцкой берлоге бывает такая именитая гостья. Надо, как говорится, пустить ей пыль в глаза, показать, что ты не лыком шит.

– Зачем пускать пыль в глаза? Мне, кажется, что скромность украшает человека, – возразил Суховой, подозревая, что соседка задалась целью унести что-нибудь из предметов старинного сервиза. Неоднократно настаивала на том, чтобы он подарил ей столовое серебро на день рождения, 8 Марта или вместе с бронзовыми канделябрами и статуэткой обнаженной нимфы продал по цене металлолома. «С какой стати, ведь ни родня, ни любовница, а просто соседка. Причем, не без хитрости, коварства и корысти», – размышлял он, однако последовал совету Швеца, достал из серванта серебряный набор.

– И главное, Рафаэль, больше элитных продуктов, деликатесов.

– Сварю овсяную или перловую кашу на молоке. Кроме того, у меня в запасе две банки «кильки в томатном соусе» и малосольная хамса. Хранил на всякий пожарный случай, – сообщил он.

– Рафаэль, ты, что из ума выжил? – вытаращила сосед-

ка глаза. – Какие овсянка и перловка, кильки, и хамса! Эти кашки-малашки и «анчоусы» для бомжей. Такое угощение Виола Леопольдовна посчитает за оскорбление. Она любит плотно покушать и ни что попало, а деликатесы. Сколько раз тебе говорить, что экономить на желудке грешно. Купишь все, что я запишу.

Тамила Львовна удалилась в свою трехкомнатную квартиру и вскоре всучила соседу лист бумаги с перечнем названий продуктов и напитков, указав их вес и количество. – Да, здесь на целый месяц еды! – возмутился художник. – Мне за один раз все не унести. Давай сходим за компанию?

– Чего надумал, чтобы потом соседи судачили, что мы снюхались? Нашел носильщика, ломовую лошадь, – возмутилась соседка.

– У меня две, а не три руки.

– Своя ноша плеч не давит. Можешь свой домкрат в качестве крюка приспособить вместо третьей руки, – уязвила Швец.– Все равно он у тебя на другую функцию не годится.

– Годится, еще как годится, – заверил художник, но она лишь усмехнулась.

– Лишних еды и блюд не бывает. Не пропадет, съедим, у меня большой холодильник, – напомнила она и напутствовала.– Не забудь купить три белые орхидеи. Виола очень обожает эти цветы.

3. Мечты романтика

Суховею дважды пришлось совершать поход на рынок и в магазин, ибо за одну ходку он не смог бы унести все, что расписала ему предусмотрительная и запасливая Швец. К четырем часам вечера стол был накрыт белой скатертью с большими красными розами, вытканными по полю. Ее по случаю предстоящей встречи любезно одолжила Тамила Львовна. Она же и стол сервировала. Окинула лукавым оком плотно расставленные напитки и блюда, приборы на восемь персон. Довольная произведением своих рук, провозгласила:

– Знатная будет вечеря, ужин. Не царский, что на злате и серебре, но думаю, что Виола не будет разочарована, оценит и сделает все, что от нее зависит, взвалит все хлопоты на свои хрупкие плечи.

– Никогда я прежде таких застолий не устраивал, вся пенсия ушла, – вздохнул Евдоким Саввич и заметил. – Будет ли прок?

– Будет, будет прок! – заверила соседка. – Доставай из серванта свое столовое серебро, фарфор, фаянс и хрусталь. Виола Леопольдовна из граненых стаканов и общепитовской посуды ни пить, ни кушать не станет. Я сама займусь сервировкой стола. Она – светская львица, привыкла к роскоши и комфорту. Ты должен пустить ей пыль в глаза. Предстать аристократом с благородными, утонченными манерами, этикетом и изысканным эстетическим вкусом.

– Что же мне перед ней бисер метать?

– Бисер не надо, его перед свиньями мечут, а вот черной, красной и паюсной икрой следует потчевать. Не огорчайся, это только начало. А деньги не жалея, они все равно, что вода, сколько бы не было, а всегда не хватает. Все расходы окупятся сторицей. Лучше позаботься о личной гигиене и внешнем виде.

– Не к врачу на медосмотр готовлюсь? – заметил художник.

– Обязательно прими ванну с экстрактами шалфея, лаванды, хвои или чистотела, чтобы от тебя не несло псиной, – продолжила наставляя соседка. – У Виолы Леопольдовны очень тонкое обоняние. Если ощутит едкие запахи, то и разговаривать не станет.

– У меня есть шампунь «Крапива» и шипр, – сообщил он.

– Не годится, дешевка. Так и быть, я тебе одолжу шампунь «Лесная фиалка», но при условии, что ты мне возвратишь новый флакон. Обрети к встрече соответствующий моменту дресс-код.

– Что это такое, говори без зауми.

– В чем собираешься встретить знатную гостью?

– Так и встречу, чай не принцесса на горошине.

– Скоро увидишь, какая это горошина. Живо надевай свой парадно-выходной костюм-тройку, белую сорочку из катона и шелковый галстук. На ноги кожаные или замшевые туфли фирмы «Саламандра». Или забыл поговорку о том, что встречают по одежке, а провожают по уму?

– Так ведь я буду встречать, а не она.

– Не имеет значения. Ты должен на нее произвести неизгладимое впечатление. Виола оденется в импорт, будь здоров, не кашляй, но и ты должен предстать стилигой, пижоном, как в годы шальной молодости.

– Модно одевался, но никогда не был пижоном, – возразил художник. – У меня нет денег на приличную одежду. Старый костюм обносился, приходится пользоваться вещами из секонд-хенда.

– Рафаэль, ты что сдурел?

– Не сдурел, а вынужден.

– Лучше в лохмотьях или голым ходить, чем в обносках, – заявила Швец.

– Почему?

– Мало того, что от обносков несет мочой, потом и табаком, так еще и заразные болезни и несчастья прежних владельцев передаются, – сообщила она. – Буржуи спихивают шмотки в нашу страну, везут контрабандой в вагонах и в трюмах тысячи тонн барахла, чтобы народ вымер и для буржуев освободилась территория. Это называется биологической войной с применением опасных вирусов и микробов.

– Тамила, ты преувеличиваешь опасность, – усмехнулся художник. – Бывшую в употреблении одежду пропаривают и дезинфицируют.

– Тебя самого надо хорошенько пропарить, обработать дихлофосом, чтобы не верил в сказки. Некоторые наивные ба-

бы, а и мужики, полагают, что проклятия и несчастья передаются лишь посредством ювелирных украшений из платины, золота, серебра и драгоценных камней. Глубоко заблуждаются. Одежда, подобно ауре, сохраняет пороки и порчу своих первых и последующих носителей. Накапливается клубок смертельной заразы. Поэтому, если увидишь магазин или лавку с секонд-хенд, беги, куда глаза глядят.

– Как быть с поношенной, но еще добротной, обувью, туфлями, ботинками из-за бугра?

– Это тоже рассадник грибковых болезней, которые могут спровоцировать гангрену и даже саркому. Не удивлюсь, если тебя кондрашка свалит.

– Не дожدهшься. У меня гены долгожителя.

– Блажен, кто верует, – ухмыльнулась Швец. – Часто жизнь человека зависит не от генов, а от рокового случая и обстоятельств.

– Не каркай, – оборвал он.

– Обидно будет, если твое жильё, дача, имущество достанутся государству или жэковским крысам. На всякий пожарный случай напиши на мое имя завещание. У тебя ведь ни жены, ни родни, – вкрадчиво предложила Тамила. – Нотариальные услуги я сама оплачу.

– Помечтай, помечтай, я еще из ума не выжил.

– Жаль, – вздохнула она. – Когда прозреешь, поздно будет

– Ух, какие ты страхи на меня нагнала, о гангрене и саркоме вспомнила, – Суховой передернул плечами и поинте-

ресовался. – Сама, где покупаешь одежду и обувь?

– За модой не гоняюсь, донашиваю то, что осталось в гардеробе от социализма.

– У меня тоже от социализма приличный костюм-тройка, – похвастался Евдоким Саввич. – Ему уже больше двадцати лет. Одевал лишь по большим праздникам, поэтому как новенький...

– Мг, прямо таки, новенький, – усмехнулась соседка. – Видела я твой куцый потертый костюмчик с короткими рукавами. Лацканы лоснятся от жира, брюки на коленях обвисли мешковиной. Ты бы сдал его в химчистку.

– Ни за что! Деньги сдерут и еще вещь испортят, – возразил художник.

– Тогда носи, сопи и не ной.

– Я не ною, рад тому, что имею, – Суховой полез в шкаф и сменил затасканный свитер на советский костюм. Его он берег, как зеницу ока, для торжественных событий.

– На безрыбье и рак рыба, – вздохнула Швец, придирчиво оглядев соседа. – На первый случай сойдет. Как только получишь валюту от продажи квартиры, помогу тебе приодеться в фирменном магазине или бутике.

Сдунула ворсинки с костюма, разгладила рукой мятый воротник.

– Здесь жратвы на целый взвод, – произнес он, обозревая блюда. – Мне бы хватило на месяц, а вы съедите за один приесть.

– Рафаэль, у тебя вавка в голове. Как тебе не стыдно, ты же бывший светский интеллигентный человек, совок и должен знать, что жратву готовят для свиней и другого домашнего скота, а не для людей. Тем более таких высокоинтеллектуальных дам, почитай, светских львиц.

– Ох, чувствую, что эти львицы съедят меня с потрохами, – посетовал художник.

– Не драматизируй, все пойдет, как по маслу, – по-своему, миролюбиво промолвила соседка. – Пойми, что в таких случаях расходы неизбежны, но для тебя они будут минимальными, так как Виола моя лучшая подруга, готова тебе помочь ради спортивного интереса за чисто символический гонорар.

Это сообщение Сухова немного утешило. Он подумал: «Лучше довериться риелтору по рекомендации Тамилы, чем незнакомому субъекту, способному обмануть. Ведь в вопросах купли-продажи недвижимости я дилетант. И насчет расходов она права. Нынче не подмажешь – не поедешь. Придется потуже затянуть пояс, чтобы дожить до следующей пенсии. Он решил не акцентировать на этом внимание и, театрально вскинув голову, поглядел на соседку глазами романтика и признался:

– Продам квартиру, получу валюту и, во-первых, устрою персональную выставку своих полотен. Их уже, не считая рисунков, накопилось больше сотни. Я убежден, что, как без читателя нет писателя, так и без зрителя, ценителя живопи-

си, нет художника. Во-вторых, оформлю заграничный паспорт и отправлюсь в тур по музеям и картинным галереям Италии, Нидерландов, Франции, подаривших человечеству гениальных живописцев, скульпторов и поэтов. Если хватит денег, то побываю в картинной галереи Дрездена. С некоторыми живописцами можно и потягаться, а вот Леонардо да Винчи с его Мона Лизой никому не дано превзойти.

– Рафаэль, у меня родилась гениальная идея! – с блеском в глазах заявила соседка. – Почему бы тебе не заняться бизнесом?

– Каким еще бизнесом?

– Вместо того, чтобы бродить по заграницам, малюй копии Мона Лизы, других шедевров и продавай их, как подлинники.

– Ты с ума сошла, меня же сразу повяжут за крупное мошенничество. С кем Джим останется? Погибнет.

– Мир не без добрых людей, – напомнила она.

– Все же надеюсь побывать в знаменитых музеях. К сожалению, в молодые годы не удалось осуществить мечту из-за того, что существовал «железный занавес» и КГБ представителей творческой интеллигенции, художников, писателей, музыкантов, артистов, вызывавших недоверие за вольнодумство, дальше Болгарии и Монголии не пускало. А теперь есть шанс воочию увидеть шедевры мирового искусства.

Швец, склонив набок голову, внимала его словам, что на нее было не похоже, ибо отличалась чрезмерной говор-

ливостью, перебивала собеседника репликами, колкостями. Лишь когда Евдоким Саввич сделал паузу, с иронией заметила:

– Мечтать не вредно. Насчет читателя и художника ты красиво и метко сказал. Прямо таки афоризм, хоть в блокнот записывай. На самом деле, если твои картины никто не будет видеть и почитать, то все творчество коту под хвост. Что касается твоей персональной выставки, то я бы не ограничилась лишь презентацией полотен и фуршетом для важных гостей, а устроила бы их распродажу через аукцион: кто больше даст? А то ведь твои картины пылятся без пользы, а так подзаработаешь денег, которые никогда не бывают лишними.

– Тамила, черт тебя поймет. Ты мои картины называешь, то мазней, то нахваливаешь, считая, что на их продаже можно заработать. Какие-то странные у тебя критерии оценки и эстетические вкусы.

– Все зависит от настроения и от твоей щедрости, – ответила она.

– Плюрализм в одной голове – это признак шизофрении

– От маразматика слышу, – не осталась Швец в долгу.

– Я бы может и продал картины, но мне нелегко расстаться, они для меня, как родные дети, – ответил Суховой, но Тамила, пропустив мимо ушей, продолжила:

– А вот по поводу круиза по музеям и галереям, то это мечта идиота. Зачем тебе палить валюту на эту авантюру?

Был бы молодой, куда ни шло, а то ведь труха сыпется. Лучше сиди и не рыпайся по заграницам. Зачем тебе это надо?

– Как зачем? Это же шедевры, красота, совершенство, гармония! – с азартом произнес художник.

– И персональная выставка, если не будет продажи полотен, тоже тебе боком обойдется. Рафаэль, не бесись с жиру, – осадил она его. – Людям потреблять нечего, с голоду пухнут, а ты по заграницам задумал шататься. Совесть и стыд надо иметь.

– Скажи об этом президенту, почему он довел миллионы честных, порядочных людей до такого скотского состояния. Украинцы, как евреи и цыгане разбрелись по всему белому свету в поисках работы с достойной зарплатой. Меня не за что попрекать. Я поеду за свои деньги, а он транжирит казенные. И ведь от его туристско-ознакомительных поездок для страны и людей никакого проку, как с козла молока, одни расходы. В шею надо гнать лживого и алчного самодура.

– Народ за него голосовал и этот выбор следует уважать, – напомнила Тамила.

– Мг, народ? Как бы ни так. Олигархи-мошенники и аферисты на него сделали ставку, вложили капитал и одурачили пропагандой и агитацией со всех телеканалов наивных и доверчивых избирателей. А он теперь вместе с олигархами грабит народ и природные ресурсы Украины. Как говорят, черного кобеля не отмоешь добела. Как был эком, так им и остался. Хотя с короной на троне, но воровство и ложь ни-

чем не прикроешь.

– Рафаэль, тебя регионалы за такие крамольные речи могут кирпичом или арматурой из-за угла или в темном подъезде замочить. Могут отправить в тюрьму или дурдом, где режим содержания еще страшнее. Если в Крыму они пачками на тот свет отправляют мэром городов и поселков, то какого-то нищего художника, словно муху, убьют. Никто не заметит потери бойца, как в песне о Гренаде.

– Волка бояться, в лес не ходить, – усмехнулся Суховой.

–И все же не хрен тебе делать за границей. Ты уже не в том возрасте, чтобы резвиться по Европам. Не транжирь, побереги валюту на «черный день», подумай о вечности.

– Тамила, я в ближайшей перспективе умирать не собираюсь, чувствую себя хорошо. А знакомство с подлинниками, а не репродукциями полотен великих живописцев мне необходимо для вдохновения, чтобы в своем скромном творчестве, хотя бы немного приблизится к уровню мастерства Микеланджело, Тициана, Рафаэля, Рембрандта, Ван Гога, Пикассо, Моне...

– Сдались они тебе. Тошно слушать о твоих бредовых планах, – Швец прикрыла ушные раковины ладонями.– Кроме Рафаэля и Васнецова никого знать не желаю. Кстати, его картина «Три богатыря» очень нравится Виоле Леопольдовне, особенно Илья Муромец.

– Тамила, ты думаешь о том, чем набить утробу и как бы развлечься, а я о духовных и материальных культурных цен-

ностях, о высоком искусстве, в том числе живописи.

– Не витай в облаках, спустишь на грешную землю. Деньги любят счет. Если бы я была твоей женой, то быстро нашла бы им разумное применение, а ты все спустишь на ветер.

– Валюта будет моей! – твердо произнес он. – На что захочу, на и потрачу. Сам себе командир и начальник штаба...

– Ее еще надо получить, – вернула его соседка из радужных мечтаний в серую реальность. – Хорошенько подумай, что человеку на этом свете для счастья надо?

И сама же, опередив Суховея, охотно ответила:

–Вдоволь выпить, сытно покушать деликатесы, красиво одеться и с женщиной развлечься, чтобы испытать райское наслаждение.

– Это физиология животных, которые постоянно в поиске и добыче корма, а для человека, как мыслящего существа, кроме потребностей в пище, сексе, жилище, одежде, есть еще и духовные потребности в искусстве, эстетике. Забота о том, чтобы в полной мере реализовать свои физические и творческие способности, оставить добрый след в памяти современников и будущих поколений.

–Тебе бы не картины рисовать, а лекции читать. Давай-ка, Рафаэль, за это мы с тобой до приезда Виолы выпьем, проведем дегустацию, как говорят, заморим червячка, чтобы не сосало под ложечкой.

– Слишком прожорливый твой червяк, – заметил он. – Ты ведь и так, пока сервировала стол, всего досыта наелась.

– Организму, желудку ни в чем нельзя отказывать, – усмехнулась женщина.

– Может, дождемся риелтора? – засомневался он. – Во всем должна быть мера, в том числе в питание, чтобы оно не превратилось в тупое чревоугодие.

– Нет, тебе надо снять напряжение, чтобы стал раскованным и общительным, а не хмурым сухарем. Сто граммов коньяка не повредят, наоборот, взбодрят и развяжут язык, – настояла Швец и по-хозяйски открыла бутылку коньяка «Жан-Жак». Наполнила рюмки золотистым напитком.

– За успех нашего благородного дела! – бодро провозгласила тост.

– Почему нашего, если это сугубо мое дело? – робко возразил хозяин квартиры.

– Эх, не будь эгоистом, не придирайся к словам. Я же тебе добра желаю и поэтому считаю, что это наше общее дело, – пояснила женщина и напонила. – Другая бы на моем месте потребовала с тебя большие проценты за услуги, а я помогаю бескорыстно, по старой дружбе и доброте своей душевной.

– Коли так, то извини, – покаялся он и поднял рюмку. – За твоё здоровье и щедрое сердце, Тамила!

– Ты тоже будь здоров и не кашляй.

Выпили. Суховой закусил долькой лимона и бутербродом с сыром, а она – с черной икрой и маслинами. Художник ревностно поглядел на женщину, опасаясь, чтобы она до прихода знатной гостьи сама не умяла главный деликатес – бутер-

броды с черной и красной икрой. Соседка ощутила его сердитый взгляд:

– Что ты на меня глядишь, как Ленин на буржуазию, или церковная мышь на крупу? Может, захотелось, воспылал страстью?

– Это тебе показалось, – смутился он и упрекнул. – Ты Виоле Леопольдовне оставь хоть парочку бутербродов с икрой, а то подумает, что пожадничал.

– Она любит смаковать «жабичи лапки», – напомнила Швец. – А ты, Виоле не перечь, делай и поступай, как велит. Она в этом деле собаку съела и не одну. По Европе каталась, с королями и принцами общалась. Считай, что это для тебя смотрины. Ты обязан, словно жених, ей понравиться. Давай еще по рюмашке.

– Я знаю, что ты любишь выпить на халяву, но потом, еще не вечер, – возразил художник.

– Ты, как хочешь, неволить не буду, а я выпью. Отличный коньяк, французский, три звездочки. Мог бы купить и с пятью. Пожадничал, сэкономил на желудке.

Соседка окинула его придирчивым взглядом и упрекнула:

– Вид у тебя жалкий, как у казанской сироты. Приоденься, взбодрись! Как в молодые годы, надень вельветовый костюм и брюки, замшевые туфли, сорочку с бабочкой...

– Какая к черту бабочка, все давно обносилось, – махнул он рукой. – Встречу по-домашнему, чай, не королева английская.

– В твоём деле, она больше, чем королева, – возразила Швец. – Главное, не будь бякой. Широко улыбайся на все тридцать два зуба. Хотя их у тебя и половины не осталось.

– Если постоянно буду скалить зубы, то посчитает меня психом, – предположил художник.

– Не посчитает. Помни, что с голубого ручейка начинается река, ну, а дружба начинается с улыбки, – пропела Тамила. – Ты должен предстать перед нею добрым и радушным аристократом, а не мрачным и нудным стариком. Швец лихо выпила коньяк и потянулась пухлой рукой с пальцами унизанными перстнями и кольцами со сверкающими камнями-самоцветами за очередным бутербродом с красной икрой. «Вот зараза, всю икру съест, – с досадой подумал хозяин. – Скорее бы уже Виола Леопольдовна пожаловала, а то ни хрена не достанется».

4. Встреча риелтора

Баляс легкая на помине – прозвучала трель электрзвонка.

– Встречай гостью! Будь джентльменом! – приказала Тамила и сунула ему в руки букет красных гладиолусов, по ошибке купленных им вместо белых орхидей.

– Какая она из себя? – с запозданием поинтересовался Суховой.

– Сейчас увидишь и будешь наповал сражен ее неземной

красотой. Величественная, как Екатерина 11. Точная копия, рождена для трона. Не робей, держи хвост трубой!

Художник, а следом за ним и Швец из гостиной прошли в прихожую. Он отворил настежь двери и оробел, застыл, словно вкопанный. В проеме двери, будто статуя, стояла двухметрового роста пышногрудая, упитанная дама. На большой, как глобус, голове рыжая короткая стрижка. Широкое монголоидного типа лицо, густые брови взлет. Выпуклые магически черные глаза, приплюснутый, как у боксера, нос и сочные плотоядные губы. Суховей на мгновение вспомнил о предостережениях Тамилы и с иронией подумал: «Это, каким буйволом должен быть мужик, чтобы с такой особью совладать? Грудь не меньше пуда весит. Под силу «снежному человеку» или горилле».

Под добротной тканью бордового цвета костюма проявлялись жировые складки. Женщина, подобно Гулливеру, сверху вниз с надменной иронией взирала на него. Неприятный озноб пробежал по спине художника, что не предвещало удачи. Но он не верил в приметы и мистику. Считал себя, если не атеистом, то реалистом.

Окрестив массивную, как шкаф, гостью гвардейцем кардинала, Евдоким Саввич подумал: «Такой крупной бабище, в сравнении с которой Тамилла выглядит карликом, а сам я подростком, ей следовало бы не сделками купли-продажи заниматься, а метать ядро, молот, диск или бороться в сумо. Попробуй-ка, массивную тушу прокорми. Не случайно

Швец меня разорила. Это сколько надо напитков и продуктов, чтобы насытить эту утробу? Она раза в два крупнее «Данай» кисти знаменитого Рембрандта. От такой бабы следует подальше держаться, может нечаянно придавить и раньше времени дух испустишь. Удружила Тамила, вокруг да около столько тумана напустила. Чисто деловые отношения без флирта, интриг и искушений. Как только поможет продать квартиру и сразу с глаз долой, из сердца – вон!»

В первые несколько секунд художник опешил, хватал ртом воздух, будто, выброшенная волной на берег рыба. С ужасом ощутив сухость во рту и какое-то внезапное онемение голосовых связок.

– Добро пожаловать, Виола Леопольдовна! Бонжур, мадам-муазель! – запинаясь, произнес Суховей, слегка склонил голову.

– О-о, мусье, вы очень галантны, – оценила гостя его жест.

– Это вам от всего сердца, – подал он цветы.

– О-о, как это мило и приятно, вы настоящий рыцарь, – улыбнулась Баляс и слукавила. – Мои самые любимые цветы. Вы – ясновидец.

– Рафаэль у нас аристократ, уникам, дамский поклонник и сердцеед. Казанова ему и в подметки не годится, пусть отдыхает. Он знает, каким способом взять неприступную крепость, чем обворожит женщину, – заметила Тамила и, отеснив соседа, пылко обняла гостью. – Здравствуй, Виолочка,

душечка. Ты, как всегда, великолепна и неотразима. Сколько лет, сколько зим, хотя и живем в одном городе, а в суеде дел нет времени для встреч.

Когда они аккуратно, чтобы не замарать друг друга помадой, поцеловались, Швец представила хозяина:

– Знакомьтесь, Евдоким Саввич, художник, но не очень знаменитый, хотя с непомерными амбициями. Господь талантом обделил. В отличие от своего кумира Рафаэля, всякой мазней занимался, вождей – Ленина, Маркса, Энгельса и «дорогого Леонида Ильича», членов Политбюро рисовал, разные там плакаты, лозунги, призывы на транспарантах. Их таскали на демонстрациях, митингах и субботниках, а он этим гордился.

На стенах висело десятка два картин с пейзажами крымской природы, архитектурных достопримечательностей и рисунков с изображением пса.

– Тамила, голубушка, не оскорбляй и не унижай художника, человека творческого труда, мастера кисти, – упрекнула Баляс.– Я сразу обратила внимание на картины, словно на вернисаж в музей, попала. Вы, наверное, и портреты рисуете? Могу сделать заказ и позировать. Но, конечно, не в качестве натурщицы. Перед чужими мужчинами грешно обнажать свои прелести.

– Посчитал бы за честь, но в последние годы я занимался реставрацией старых полотен и антиквариата, – замылся Суховей, прикоснувшись губами к ее холеной руке. До пенсии,

а сейчас очень редко обращаются с заказами и просьбами, в основном работал в картинных галереях и в музеях, восставливал чужие картины. В общем, выполнял функции врача, лечащего произведения искусства. А свои картины и рисунки творил на досуге, когда посещало вдохновение.

– Как это интересно и благородно, сохранять для людей шедевры живописи, – похвалила Виола Леопольдовна. Следом за хозяином и подругой прошла в гостиную. Остановилась, увидев богато сервированный стол.

– О-о, столовое серебро! – восхитилась гостья, рассматривая набор сервиза с вензелями. – Почему на восемь персон, мы еще кого-то ждем в гости?

Художник смутился и часто заморгал, не зная, что ответить, с надеждой поглядел на соседку.

– Натюрморт для красоты и гармонии, – ответила Швец.

– Как в лучших домах Парижа, – улыбнулась гостья находчивости подруги.

– Естественно, ведь в жилах Рафаэля течет дворянская кровь, – сообщила Швец. – Если бы не Октябрьская революция и Советская власть, то мы сейчас общались бы с богатым владельцем дворца или поместья. Тогда бы, Виола, отпала потребность в твоих услугах. Да и вряд ли бы нас судьба свела. У него был бы совершенно другой круг общения – венценосные особы из стран, где сохранились монархии, короли и королевы, принцы и принцессы, князья, графы, бароны и баронессы...

– Тамила Львовна, не преувеличивайте. Я – скромный художник без амбиций и претензий, – смутился Суховой.

– Подруга, ты не разбираешься в маркетинге и мониторинге, – властно произнесла риелтор. – Мои услуги всегда востребованы. Во все времена при любой власти и режимах люди покупают и продают недвижимость – замки, дворцы, дома, квартиры, дачи, кемпинги, эллинги, гаражи... Поэтому безработица мне не грозит. Правда, бывают исключения, когда во время революций, бандитского беспредела и рейдерских атак, недвижимость захватывают силой и мошенничеством, но вам Евдоким Саввич, такой исход не угрожает. Будете иметь дело с опытной профи.

– Премного благодарен. Любезно прошу вас отведать, что Бог послал, – жестом пригласил хозяин квартиры.

– Бог щедро послал. Ой, мои любимые «жабичи лапки»! – с восторгом воскликнула Баляс, плотоядно облизнула губы в перламутровой помаде, взирая глазами навыкате на французский деликатес.

– Виола, дорогая, прими на свою пышную «грудь», замори червячка, чтобы под ложечкой не сосало, – предложила Швец.

– Пить спиртное пока не буду, потому что при исполнении, а вот червячка заморю, потому что целый день на колесах, от клиентов отбоя нет, даже не успела, как следует пообедать.

Она вытерла салфеткой руки.

– Обожая французскую кухню и эстраду. От певцов Джо Дассена, Мирей Матье и Патрисии Каас в восторге. Люблю плотно покушать и музыку послушать. Она стимулирует аппетит. Евдоким Саввич, вы золотой человек, настоящий джентльмен, я готова вас расцеловать...

– Ваша подруга, Тамила Львовна, рекомендовала, а для меня слово и пожелание женщины – закон! – смутился лести Суховой. – Хотя есть особы, которые вызывают меня аллергию.

– Интересно, что за особы? – спросила риелтор.

– Мадам, извините за непарламентское выражение, но эти жирные коровы из собеса, ЖЭКа и БТИ только и ждут, когда я загнусь, чтобы захватить мою квартиру и все имущество, особенно, мою живопись. Выкусят! Я дал себе зарок жить до тех пор, пока будет жив мой Джим. Как только он околеет, то и мне хана.

– Разделяю вашу тревогу, – посочувствовала Виола Леопольдовна. – Что касается «жирных коров», то в моем присутствии впредь не оскорбляйте крупных женщин. Среди них немало порядочных и обаятельных. А насчет того, сколько кому лет отпущено, не тешьте себя иллюзиями, ведь человек лишь полагает, а Господь располагает. Никому не дано знать, когда наступит смерть.

– Верно, – согласился он и заботливо предложил. – Вы кушайте на здоровье, а по мне, лягушка она и есть жаба зеленая, болотная под каким бы соусом, майонезом, кетчупом ее

не подали. Недаром, говорят: сто лет мак не родил, и голода не было. Так и с лягушкой, пучеглазой квакухой... Лучше пейте красное вино, как это делают французы.

– О-о, Париж – мечта, обитель художников, поэтов, музыкантов и пылких любовников! – с восторгом произнесла Баляс. – Город мировой моды, парфюма, косметики, роскоши и... разврата. Знаменитого Анатоля Франса за блуд не посадили в Бастилию лишь потому, что он был сенатором...

– Ты с ним встречалась? – заискивающе спросила Швец.

– С кем, с ним? – удивилась риелтор.

– С этим Толиком, французским?

– Тамила, какая ты дремучая, Франс жил в девятнадцатом веке, а сейчас двадцать первый.

– Жаль, наверное, породистый был бабник, если до сих пор помнят.

Баляс, смерив надменным взглядом Суховея, поинтересовалась:

– Вы бы хотели увидеть Париж и умереть?

– С радостью бы побывал в Париже, посетил бы Лувр, другие музеи, Елисейские поля, а вот умирать еще рано. Мой час не пробил.

– Смерть не предупреждает о своем визите, – назидательно заявила Тамила. – Как и любовь, она приходит неожиданно, когда ее совсем не ждешь. Рафаэль, в любой момент тебя может свалить инсульт или приступ, сразу испустишь дух.

– Типун тебе на язык, – проворчал он.

– Странные у тебя аналогии, любовь и смерть, – упрекнула подругу Виола.

– Не вижу странностей, они, как неразлучные подруги, – возразила Швец, а риелтор обратила взор на художника:

– Евдоким Саввич, вы же светский человек, интеллигент, художник и должен знать, уважать и почитать шедевры французской кухни, которая славится во всем цивилизованном мире. Если вы не любите лягушечьи лапки, то не видеть вам, как собственных ушей, Парижа, Эйфелевой башни, Нотр-Дам, известного, как Собор Парижской богородицы. А уж о том, чтобы ваши картины экспонировались в Лувре или на Елисейских полях, вообще забудьте. Раньше при СССР, у вас не было такой возможности из-за «железного занавеса», а теперь все дороги открыты. Но без меня вам в Париже делать нечего. Советую не пренебрегать деликатесами французской кухни и усиленно изучать язык Анатоля Франса, Эмиля Золя, Ги Мопассана, Виктора Гюго, Гюстава Флобера и других корифеев французской литературы.

– Умирать буду, но к болотной жабе не прикаснусь, – стоял на своем Суховой.

– Вы так говорите, лишь потому, что никогда не пробовали эту вкуснятину, – пожурела его Баляс. – Между прочим, лягушка одна из чистоплотных существ, хотя и живет в болоте. Питается мошками, букашками и комариками не то, что всеядная свинья. Поэтому и мясо нежное, тает во рту. Давайте я вам махонький кусочек отщипну?

– Виола, держи его за руки, я кусочек засуну в Рафаэлю в рот, – предложила Швец и художник отпрянул в сторону.

– Нет, нет! – потешно замахал он руками, готовясь к обороне. – Тамила, не майся дурью, уймись. Чтобы я жабу ел, ни за какие деньги! Я к этой твари не прикоснусь. Она в желудке начнет квакать.

– Напрасно. Теперь я поняла, что вы не аристократ, – Виола Леопольдовна окинула его надменным взглядом и аккуратно взяла холеными пальцами гипсово-белую «жабичу лапку» и поднесла ее к крючковатому с горбинкой носу. Понюхала, определив по запаху свежесть. Приоткрыла пухленькие в алой помаде губы и сунула лапку в рот. С удовольствием, причмокивая языком, смежила ресницы и принялась с блаженной улыбкой на лице смаковать.

– Фу, какая гадость, – невольно сорвалось с губ хозяина и тошнота подступила к горлу. Он пару раз икнул и поднялся с места, чтобы не вырвать за столом.

– Рафаэль, сейчас же прекрати, не позорь меня перед подругой! Ты не в кабаке, не в туалете, веди себя прилично, – набросилась на него Швец. – Хоть ты и художник, но темный и дикий. Виола Леопольдовна, культурная, утонченная натура, во многих знатных домах Парижа считали за честь ее появление. Она знает толк в деликатесах. Вкушала не только «жабичи лапки», но и виноградные улитки, их икру, а также печень трески, омары, крабы, кальмары, устрицы, лангусты и другие пикантные блюда с царского и королевского столов.

Легче перечислить экзотические блюда, которые еще не пробовала. Дегустировала, не только коллекционные вина, текилу, киянти, мартини, виски, шампанское, коньяк, другие крепкие напитки, но и блюда французской, еврейской, тайской, китайской, индийской, японской, вьетнамской, арабской кухонь...

– А украинской тоже? – ввернул слово, подавим позывы к рвоте и придя в себя, художник.

– Конечно, хотя не нахожу повода для восторга, – ухмыльнулась соседка. – Борщ, вареники, яичница-глазунья на сале и, пожалуй, все меню. Толи дело еврейская кухня. Тут тебе и мацу, бешбармак, плов...

– Ты, Тамила, не считай меня кретином, не вешай лапшу на уши. С каких это пор азиатские блюда бешбармак и плов стали еврейскими?

Соседка стушеввалась, засуетилась, и не найдя аргумент, предложила:

– Виола, все-таки, давайте выпьем за наше святое дело.

– За кого вы меня принимаете? Сюда я приехала ни пить, ни гулять, а важные дела решать. У меня такое правило: делу время, а потехе – час, – строгим, менторским голосом заявила Баляс, быстро расправившись с порцией жабичих лапок и бутербродами с черной и красной икрой.

«Сразу видно, что не аферистка, а деловая женщина, чувствуется профессионализм и хватка, – с удовлетворением подумал Суховой, взирая на женщину с пышными телеса-

ми. – С нею можно сварить кашу, поможет выгодно продать квартиру и гора с плеч. А то, что она ест жаб, так у каждой бабы свои заскоки и причуды, которые делу не помешают. Чтобы я без Тамилы делал? Душевная соседка, свела меня с нужным человеком».

– Как знаешь, хозяин-барин, а мы с Рафаэлем выпьем, – сказала Тамила и наполнила коньяком две хрустальные рюмки.

– Евдокиму Саввичу тоже нельзя – он мой клиент и должен быть трезвым, адекватным, а то развезет, как тряпку. Ты не при деле, поэтому пей, сколько влезет, – заметила риелтор.

– Вот так ситуация, все при исполнении, деловые, даже выпить не с кем, – толи с грустью, толи с радостью произнесла Швец и залпом выпила золотистый напиток, навалилась на деликатесы. «Слопают все за один присест», – сокрушался художник. Словно прочитав его мысли на помрачневшем лице, гостья завершила трапезу:

– Для затравки достаточно. После осмотра квартиры продолжим, – она вытерла салфеткой лоснящиеся жиром губы и поднялась со стула. – По коням, мои хорошие!

– Виола Леопольдовна, чтобы потом не возникло недоразумений насчет гонорара за услугу, на какой процент от суммы сделки вы претендуете? – спросил он.

– Ни на что не претендую, ведь художника каждый готов обидеть, – улыбнулась она. – Конечно, эта работа потре-

бует времени и усилий. Только дилетантам кажется, что дело простое, не стоит выеденного яйца. Нашел, мол, состоятельного покупателя, получил валюту и все дела, гуляй Вася. Ан, нет, купля-продажа довольно сложная и нервная процедура, необходимо будет оформить кучу бумаг, погасить все долги по жилищно-коммунальным и другим услугам, чтобы дали справку в жэке, затем в БТИ заказать новый техпаспорт на квартиру. Они его выдадут лишь после обследования, экспертизы жилища. Получить подтверждение, что на данной площади не прописаны несовершеннолетние дети и т.д. и т.п. И везде бюрократы ставят рогатки, без взяток не обойтись. И одному, и другому чиновнику предстоит давать на лапу. Поэтому, Евдоким Саввич, чтобы все свершилось быстро и без проблем, придется вам развязать чулок с деньгами. А лично для себя мне от вас ничего не надо. Считайте, что я взялась за это дело из уважения к моей подруге Тамиле. Но, если вы посчитаете этичным отблагодарить, то не откажусь, чтобы не обидеть.

– У меня нет чулка, сижу на мели, последние деньги на выпивку и продукты потратил, чтобы достойно вас встретить, – признался Суховой.

– Возьмите в банке кредит сроком на месяц, а после сделки быстро его погасите, – предложила риелтор.

– Сколько?

– На текущие расходы потребуется не меньше тысячи долларов, а лучше евро.

–Ого-го! – художник озадаченно почесал затылок. – А договор с вашим агентством надо заключать, чтобы иметь гарантии?

– Вы – стреляный воробей, на мякине не проведешь! – польстила она.

– Рафаэль, зачем тебе эта формальность? – подала голос Швец.

–Тамила не встречай. Договор обязателен, – продолжила риелтор. – Агентство недвижимости «Очаг» – ни какая-нибудь шарашкина контора, а солидное, авторитетное учреждение. Поэтому без всякой самодеятельности обойдемся. Все строго по закону, официально. Сейчас мы составим и подпишем договор об услугах в купле-продаже.

Баляс достала из кожаного дипломата два листа бумаги с логотипом АН «Очаг». Один подала клиенту:

– Прочитайте и заполните графы, ФИО, данные паспорта и идентификационного кода. Внизу распишитесь и укажите дату.

Евдоким Саввич прочитал условия договора и остановился на графе «штрафные санкции», где отмечено, что « в случае расторжения договора одной из сторон, инициатор выплачивает компенсацию в сумме 500 долларов США. А в случае форс-мажорных ситуаций стороны не имеют взаимных претензий».

– Слишком велик, неподъемный для меня штраф. Это моя почти полугодовая пенсия. Нельзя ли уменьшить, хотя

бы до 200 долларов? – предложил он.

– Нельзя! Это официально установленная сумма для всех агентств, – властно заявила Виола Леопольдовна. – Вы – образованный, просвещенный интеллигент и должны знать, что время – деньги. Мне потребуется немало часов для поиска состоятельного и не жадного покупателя, а ведь могла бы заработать и на других клиентах. Сознательно рискую выгодой.

Суховой почесал затылок и с тревогой поглядел на соседку, мол, что делать?

– Заполняй и подписывай. Это чисто юридическая формальность, – велела Швец. – Ни один риелтор без договора даже не станет с тобой разговаривать.

Художник старательно заполнил и подписал договор. Баляс тоже расписалась и один экземпляр отдала ему с напутствием: – Имейте в виду это не филькина грамота, не договор о благих намерениях, а серьезный документ с юридическими последствиями.

– Не в лесу родился, вполне осознаю, – отозвался он.

– Ура! Ура! Bravo! – провозгласила Тамила. – Это событие надо обмыть, как полагается в лучших домах Парижа.

«Тебе бы только повод, бесплатно и моча вкусна», – с досадой подумал Суховой. Снова устроились за столом, выпили и налегли на закуску.

– Евдоким Саввич, я даже не советую, а требую, чтобы об этой сделке, о наличии у вас крупной суммы валюты, нико-

го не информировали. Для вашей же личной безопасности держите язык за зубами, – велела Виола Леопольдовна.

– Так ведь после уплаты налогов, все равно узнают в налоговой инспекции, полиции и в других фискальных органах.

– Лучше позже, чем по «горячему». Если не хотите, чтобы силовики, те же налоговики, на вас «наехали» и под любым предлогом заставили поделиться или полностью конфисковали валюту?

– Нет, не хочу.

– В таком случае, строго следуйте моим советам, у нас все получится, как надо, – заверила гостя. – Еще раз прошу, держите язык за зубами, чтобы никто не знал, что вы собираетесь совершить сделку, иначе мошенники, аферисты пронюхают и ограбят вас до нитки. Еще по голове арматурой или кирпичом стукнут, чтобы разума или жизни лишить. Ведите себя, как партизан на допросе.

– Так точно! Спасибо вам, Виола Леопольдовна, за предупреждение, добрый совет. Понимаете, мне никогда не приходилось сталкиваться с такой проблемой, – признался художник.

– Поэтому многие дилетанты на этом «горят», – предупредила Баляс. – А сейчас я должна увидеть объект купли – квартиру, оценить ее качество и реальную рыночную стоимость.

– Она находится в другом районе города, – ответил Суховай.

– Вызывайте такси! – властно велела риелтор. – Поездка и осмотр займут не более часа. Серьезные дела следует решать на трезвую, чтобы потом не пришлось посыпать седую голову пеплом и кусать себя за локоть.

– Да, на трезвую голову, только так, – поддержал женщину хозяин, довольный тем, что она застолью предпочла работу. “Другая женщина бы на ее месте навалилась бы на деликатесы, а эта сразу взяла быка за рога”, – подумал он, проникаясь доверием к гостье, но в следующее мгновение она его упрекнула.

– Вы уже навеселе, так не годится. Я высоко ценю клиентов, умеющих держать себя в руках, управлять своими потребностями и чувствами. Большие финансовые дела следует решать на трезвую голову при здравом рассудке.

– Извините-простите, я отказывался, но Тамилу Львовна настояла, ради дегустации несколько граммук, – смущенно признался он.

– Ну, Рафаэль, ты и гусь, сдал с потрохами, нельзя никаких секретов доверять, – обиделась соседка.

– Итак, Тамилу, ты остаешься здесь, на хозяйстве, – Виола придиричиво окинула содержимое стола и велела. – Вижу одни холодные блюда. Приготовишь что-нибудь горячее, картофель под селедочку и огурчики или жаркое. Я бы и от индейки, фаршированной яблоками, не отказалась.

– А я бы от поджаристого кабанчика, – сам того не желая, съязвил художник и обомлел, смутился под ее испепеляю-

щим взглядом.

– Кабанчика-баранчика потом приготовите, а пока осмотрим квартиру и возвратимся. Пить будем, гулять будем, чтобы пол ходуном и дым столбом!

– Что ей здесь делать в чужой квартире?– возразил Сухойей.– Стол накрыт, пусть едет с нами, а то всю икру и другие деликатесы умнет...

– Рафаэль, ну, ты и жмот, – обиделась Швец. – Я ради тебя готова всем пожертвовать, а ты пожалел икорку.

– Ешь кабачковую и баклажанную.

– Тамила пусть остается на хозяйстве. Поездка нам дешевле обойдется, – настояла гостья. Художник не посмел ослушаться. Он набрал номер телефона и с дрожью в голосе вызвал к подъезду такси. Диспетчер сообщила, что будет через десять минут.

– Виола, может тебе граммов пятьдесят коньяка для задорности и моторности? – предложила Швец и потянулась рукой к початой бутылке.

– Тамила, не искушай меня без нужды. Я и без того моторная и энергичная. Такой и следует быть, чтобы куры не заклевали, – отказалась Баляс и взглянула на золотые часы. – Не будем терять время, нас ждет такси.

5. Осмотр квартиры

Оставив Швец в квартире, Виола Леопольдовна и Евдо-

ким Саввич спустились в лифте на первый этаж, вышли из подъезда. Минут через пять подкатило такси «Волга». Приехали в жилой массив, застроенный десяти и девятиэтажными зданиями.

– Подождите нас минут двадцать, – велела водителю Баляс.

– Оплатите услуги, чтобы я вас потом не искал по этажам, – отозвался мужчина и пояснил. – Встречаются еще любители бесплатных прогулок на такси...

– Ну, что, Рафаэль, известный художник, к сожалению, не кутюрье, заплатить за прогулку не хило? – светская львица обратила на Суховея свой иронически-насмешливый взор.

– Пока не хило, – скрепя сердце, ответил он и подал водителю несколько купюр, осознавая, что до следующей выплаты пенсии не дотянуть, придется зубы на полку положить. Водитель удовлетворенно кивнул рыжеволосой головой. Вошли в подъезд, где стены с облезшей зеленой краской и раскуроченными почтовыми ящиками, затхлыми запахами. Баляс приблизилась к лифту.

– Извините, мадам, уже два месяца, как он не работает, сторел двигатель, – сообщил художник. – Придется пешком по лестнице в качестве профилактики против гиподинамии.

– Обшарпанные стены, запахи гнили и мочи, разбитые почтовые ящики, неработающий лифт, фекалии в подвале – все это минусы, которые создадут негативное впечатление и отвлекут покупателей, – промолвила риелтор.

– Я же не подъезд и подвал, а квартиру продаю. Пусть о ремонте подъезда и подвала с канализацией голова болит у жэковских крыс, – возразил Евдоким Саввич.

– Сразу видно, что вы дилетант в вопросах оценки недвижимости, – усмехнулась Виола Леопольдовна. – Для покупателя очень важно, в каком месте расположено жилье, из чего оно построено, этажность, инфраструктура, логистика, то есть транспорт, связь, наличие поблизости магазинов, рынка, больницы, аптеки, школы, детского сада, зеленой зоны для спорта и отдыха и т. д. и т. п. Ведь человеку здесь жить, дышать, детей растить. Если знала, что не работает лифт, то на смотрины не поехала бы. Не молодая козочка, чтобы по ступенькам скакать и бляеть. Так что, господин художник Рафаэль, как вас величает Тамила, коль скрыли от меня информацию о поломанном лифте, придется нести меня на руках, как невесту из ЗАГСа.

– Простите, Виола Леопольдовна, но я не атлет, не Геракл, – оробел он. – Охотно услужил бы, но сил нет. Никогда штангой и гирями не занимался. Что же нам делать?

– Эх, обмельчали мужики! Вырождаетесь, ни племени, ни семени. Скоро некому будет женщин оплодотворять для здорового потомства, – посетовала женщина. – Ладно, не робей, пошли покорять вершину.

Баляс ухватила рукой за деревянные перила. Суховой запальчиво суетился, старался поддерживать ее сзади за пышное сидалище на случай падения, рискуя быть, будто та-

ракан, раздавленным живой плотью.

– Удружил с этим восхождением, – посетовала Баляс. – Поневоле я вынуждена заниматься альпинизмом.

– Простите великодушно, но за лифт я не отвечаю, – покаялся он и с воодушевлением заметил. – Зато потом вниз будет легко спускаться.

– Не скажите, придется тормозить, цепляться за перила, чтобы не сорваться вниз кубарем, – возразила женщина и призналась. – Однажды, спускаясь по ступеням, чуть не скадилась на бетон.

Отдыхая на лестничных площадках, они добрались до шестого этажа.

– Вот квартира брата Никиты, царство ему небесное, – указал Суховой на дверь с № 23, достал из кармана связку ключей, отворил ее. – Прошу вас, Виола Леопольдовна, чувствуйте себя, как дома, – пригласил он. Женщина, не снимая обуви, прошла по паркету в прихожую и сразу заметила на стене картины.

– О-о, вы и здесь поработали кистью! – воскликнула она и, подражая Валерию Леонтьеву, пропела. – Ах, вернисаж, ах, вернисажа! Какой портрет, какой пейзаж...

– Дарил брату на дни рождения и праздники, вот и скопилась коллекция пейзажей, рисунков. Надо бы все сvezти домой, чтобы не растащили, – заметил он. – Глядишь, через десяток лет люди поймут мое творчество, по достоинству оценят... Сдам в музей изобразительного искусства, чтобы

память обо мне осталась на века.

– Мечта умирает последней. Дай-то Бог, а вы тщеславный?

– Не без того. Каждый творческий человек, будь то живописец, писатель, поэт, музыкант или ученый мечтают при жизни погреться в лучах славы, – пояснил Суховой. – Это является стимулом для творчества и вдохновения.

– А как же женщина – Муза любви и вдохновения? – усмехнулась Баляс.

– Конечно, без Музы не обходится, – согласился он.

– Признавайтесь, как зовут вашу Музу?! – потребовала она. – Может соседка Тамила? Очень удобно, пересек лестничную площадку и в постели. В любое время суток можно слипаться.

Евдоким Саввич, не готовый к пошлой версии, смутился

– Ладно, можете не отвечать, – сжалилась риелтор и, осмотрев жилье, точно определила. – Чешский проект, «распашонка», это хорошо. Такие квартиры пользуются повышенным спросом. Хотя сейчас для состоятельных клиентов в фаворе элитное жилье в нескольких уровнях, а также отдельные пентхаузы, коттеджи, виллы. Но и граждане со средним достатком претендуют на квартиры с большой жилой площадью, просторными кухнями, с двумя санузлами и лоджиями, ванными с биде и джакузи. Практикуют разные варианты планировок по заказу клиентов, если несущие конструкции здания позволяют без ущерба для безопасности.

Простор для архитектурного творчества и удовлетворения потребностей жильцов.

– Хорошо, что сняты ограничения на размеры жилплощади на одного члена семьи, как это было в советский период, когда теснились в “хрущевках” и коммуналках, – заметил Суховой. – Но не каждому клиенту элитное жилье по карману.

– Поэтому и пользуются стабильным спросом квартиры сталинской и брежневской постройки. А с маленькими кухнями жилье не столь привлекательно, – пояснила риелтор и поинтересовалась. – Какова общая площадь?

– Пятьдесят шесть с половиной квадратных метров без учета лоджии.

– Годится, – Виола Леопольдовна тщательно осмотрела гостиную, спальню, кухню, санузел и ванную и вынесла вердикт. – Состояние квартиры среднее, что, конечно, уменьшит ее рыночную стоимость. После евроремонта ее бы стоимость возросла еще тысячи на три-четыре в долларах или евро.

– Нет у меня валюты на евроремонт, – посетовал Суховой.

– Жаль, ведь цена товара во многом зависит от красивой упаковки, больше, чем содержание. А что вы собираетесь делать с вышедшей из моды мебелью? – пренебрежительно спросила она, мысленно отметив, что старинные часы с боем, секретер, комод, тахта и рундук, изготовленные из красного дерева, представляют эстетическую, музейную ценность. Можно самой прибрать к рукам или по выгодной

цене сбыть коллекционерам предметов старины.

– Мебели не так уж много. Раритетную из красного дерева заберу в память о брате, – ответил Евдоким Саввич.

– Мг, где вы видите раритет? Эти дрова годятся лишь для растопки печки или камина. Их надо срочно вывезти и подготовить квартиру к продаже.

– Мадам, вы не правы. Как художник-реставратор, я тонко разбираюсь в старинных вещах, в том числе и в мебели, – возразил Суховой. – Ваша задача найти покупателя, а с мебелью и другими вещами я сам как-нибудь разберусь.

– Разбирайтесь и быстрее, у меня каждая минута на вес золота, – с явным капризом велела она, недовольная тем, что он проявил себя знатоком в старинных предметах. – Я не собираюсь попусту тратить время, у меня хватает забот с другими клиентами. А здесь следует произвести хотя бы косметический ремонт, чтобы спрятать от покупателей дефекты, изъяны, трещины, а следы сырости, плесени закрыть обоями. Наймите отделочников, чтобы в туалете и ванной заменили плитку и старую сантехнику на современную. Ведь такими вентилями и кранами уже никто не пользуется, их следует сдать в музей или выбросить на свалку. Будьте хитрее, вы же художник-эстет, обеспечьте квартире хороший товарный вид. Через неделю появятся первые покупатели, а они не намерены покупать кота в мешке. Обязательно тщательно осмотрят все уголки. Не поведу я их в этот гадюшник. А как насчет насекомых, паразитов, клопов и тараканов, блох?

Может, нужна санобработка, дезинфекция?

– Раньше при Никите, когда была кормежка, появлялись, а потом по вентиляционному каналу сбежали от голода в другие квартиры, – пояснил Суховой. – Эти твари неистребимы, особенно тараканы. Им даже радиация не страшна, только мороз...

– Гляжу, у вас насчет насекомых глубокие познания, – усмехнулась женщина. – Так значит, здесь никто не живет?

– Разве что домовой, уже восьмой месяц пустует, – вздохнул он горестно. – Только долги накапливаются, а из ЖЭКа присылают напоминания о сумме долга, пени и угрожают взыскать через суд. Эта хата меня в гроб загонит, на продукты питания и лекарства пенсии не хватает, а тут еще эта обуза.

– Не будьте пессимистом. Вы еще довольно крепкий и привлекательный мужчина, – польстила Баляс. – Надо радоваться, что у вас есть дополнительная недвижимость, тогда, как много людей, те же бомжи, не имеют крыши над головой, мыкаются по подвалам и чердакам.

– Какая уж там радость, одни расходы, – махнул он рукой.

– Не говорите так, это капитал, пожалуй, надежнее, чем вклады в банке, которые сплошь и рядом из-за афер терпят банкротство. Владельцы таких банков отпетые мошенники, по сути, “кидают” своих доверчивых клиентов. Схема проста: переводят активы банка за кордон и следом за валютой туда же мигрируют. Живут припеваючи на валюту обману-

тых вкладчиков, поверивших в высокие проценты прибыли. Практичные люди очень дорожат недвижимостью, ведь это валюта, не подверженная девальвации, тем более, что сохраняется устойчивая тенденция подорожания жилья, в том числе и на вторичном рынке. Я вам поясню на тот случай, если вы после продажи квартиры и получения крупной суммы валюты, решите положить ее в банк на депозит. К этому делу надо будет подойти очень осторожно, чтобы не стать жертвой финансовых аферистов. Я вам помогу выбрать надежный с солидной репутацией банк. А, вообще, на вашем месте я бы не торопилась расставаться с квартирой, могла бы подыскать вам богатого арендатора.

– Эх, Виола Леопольдовна, добрая душа, сколько той жизни осталось?– посетовал старик. – У меня есть крыша над головой и, слава Богу, а эта недвижимость ни к чему. Были бы дети, внуки, другие родственники, тогда другое дело, чтобы оставить им в наследство. Бог мне не дал детей, поэтому и достанется, черт знает кому? Лучше продать и пожить остаток лет в достатке, а то ведь цены на продукты питания, лекарства, жилищно-коммунальные и другие услуги постоянно растут, а нередко и скачут.

– Коль такая ситуация, то вы, пожалуй, правы, квартиру лучше продать. И у меня есть подходящий клиент, который за ценой не постоит, то есть торговаться и трястись над каждой копейкой не станет, как иные, готовые за копейку удаться, лишь бы не переплатить. С такими клиентами мне

противно и тошно иметь дело. Стараюсь их сразу отшить, чтобы не отравлять себе настроение.

– Век признателен буду, – галантно склонил голову Суховай. – Вы моя спасительница, мой ангел, мать Тереза.

– Насчет матери Терезы, тем более, усопшей, вы палку перегнули, я ведь на старуху не похожа, – упрекнула Баляс.

– Извините великодушно. Вы – красивая, очаровательная женщина. Это я в пылу азарта, погорячился, вовремя не остановился. Бывает так, что эмоции, язык опережают мысли.

– Ладно, по доброте душевной прощаю, – снисходительно улыбнулась Виола Леопольдовна и неожиданно сообщила. – Евдоким Саввич, мне стало известно, что после получения валюты вы намерены совершить турне по ряду европейских стран.

«Вот, Тамила, язык без костей, как та сорока, раньше времени растрезвонила. Никаких секретов нельзя доверять, язык, что помело», – с досадой подумал художник и признался. – Есть желание осуществить давнюю мечту – посетить картинные галереи, музеи. Интересуюсь живописью, скульптурой, архитектурой эпох Возрождения и Ренессанса.

– Похвально, похвально! Вижу эстетически одухотворенную личность, – польстила риелтор.

– Благодарю за комплимент, – он галантно склонил голову.

– А я благодарю судьбу за знакомство и радость обще-

ния с незаурядным человеком, – сверкнув золотой коронкой, улыбнулась Баляс. – Со своей стороны постараюсь, чтобы вам привалило больше валюты, евро, содрать с покупателя за квартиру максимально высокую цену.

– Спасибо, но драть не следует, чтобы потом новый владелец не обвинил меня в алчности и крохоборстве, – попросил он.

– Не волнуйтесь, я знаю с кого и сколько драть. Те, кому гроши достаются тяжело, честным трудом, не пострададут. Впрочем, среди покупателей таких единицы. Если и способны что-то купить, то хибару или комнату в бараке на окраине города. А вот клиентов с дармовой валютой я чую за версту. Их и будем драть в хвост и гриву, – заверила Виола Леопольдовна. – Так вот в Европе с почтением относятся к супружеским парам. Среди туристов. В той же Италии, Нидерландах, Франции, Германии и Греции, где в основном сосредоточены сокровища мировой культуры, вас будут встречать на-ура!

6. Виола в роли свахи

– Дорогой Евдоким Саввич, почему бы вам не жениться на Тамиле Львовне? – неожиданно предложила Баляс. – Она, бедняжка, словно Золушка, по вам давно сохнет, вздыхает и страдает. Но из-за девичьей стыдливости и скромности боится признаться в чувствах.

– Тамила, скромная, совестливая? С каких это пор? – возразил художник. – Да, она из тех баб, пардон, женщин, которым палец в рот не ложи, сразу откусит. Давно уже не девственница...

– Откуда вам известно? – поймала она его на слове.

– Шило в мешке не утаишь, – уклонился он от ответа.

– Ладно, что было, то быльем поросло, а надо жить настоящим и будущим в свое удовольствие и земных наслаждений, – продолжила она развивать тему. – Тамила пребывает в репродуктивном, детородном возрасте, в самом соку. Из разговора с ней я поняла, что вы холостяк, она бы не возражала против брачного союза. Получилась бы красивая пара: живописец и работник торговли.

Художник, озадаченный неожиданным вопросом, не торопился с ответом, а она продолжила:

– Я не сделаю открытия, если скажу, что женщина мужчине нужна не столько для кухни, сколько для постели, чтобы он сохранял тонус и радость жизни, черпал мед не ложкой, а ковшом. Некоторые мужчины успешно освоили секреты кулинарии. Не случайно вашего брата много среди шеф-поваров.

– Полностью с вами согласный. Я сам готовлю яичницу на сале, разные кашки-малашки, овсяную, гречневую, манную, перловую, рисовую...

– Довольно, довольно, уморил, – остановила его жестом руки и с иронией заметила. – Для таких сложных, изыскан-

ных блюд большого ума и мастерства не надо. Все же ответьте насчет бракосочетания с госпожой Швец?

– Такой вариант уже обсуждался лет шесть-семь назад, когда я был моложе и резвее, но не склеилось, – произнес Суховей. – Видать не судьба.

– Почему не склеилось? Человек – кузнец своего счастья.

– Тамила сразу же поставила условие, чтобы я свою квартиру переоформил на нее (о наличие дачи он благоразумно промолчал). Значит, она собиралась идти за меня не по любви, а по расчету. Став собственницей моей квартиры, она бы меня вместе с Джимом вытравила за порог. Превратился бы в бомжа. Вы же знаете, чем такие браки заканчиваются? В лучшем случае, скандальными бракоразводными процессами, когда бывшие супруги дерутся за каждую вещь, за брахлю, якобы нажитое совместным трудом. А в худшем, в таких браках мужья почему-то раньше срока отправляются в мир иной. Не странно ли? Казалось бы, при заботливой, нежной жене, полноценном питании и уходе, разных, в том числе, интимных прелестях, семейной жизни, супруги должны жить долго и счастливо, а мужья вдруг дают дуба? Это наводит на мысль, что «благоверная», получив право наследования, сознательно укорачивает жизнь своему благодетелю, на земле, сплавив его в могилу. Не желаю себе такой участи. Это меня насторожило и остановило. Решил ни с кем не связывать свою жизнь.

– Много лет знаю Тамилу, она на свою душу такой грех не

возьмет. Ведь «не убий» – одна из семи главных библейских заповедей, – напомнила Баляс. – Если самоубийц церковь не отпевает, то убийц, душегубов и подавно. Им прямая дорога в ад. Швец регулярно посещает синагогу, об этой каре отлично знает, поэтому вам ничего не угрожает. Зато медовый месяц, а то и год, гарантирован. Она страстная, любвеобильная женщина. Знаю, что она готова к интимным отношениям, но после официального брака. Не пожалеете, окунетесь в пиршество любви и море блаженства. Об этом мечтает каждый мужчина.

– Почему она вдруг воспылала страстью? – спросил Суховай.

– Женщина—загадка. Тем она интересна, привлекательна для мужчины, что часто бывает непредсказуемой и алогичной, – пояснила Виола.

– Все проще. Я потому для нее стал интересен, что после продажи квартиры Никиты разбогатею. Тамила очень любит транжирить чужие денежки и шумные застолья.

– Все любят застолья и денежки. Их много не бывает. Подумайте, что вас ждет впереди? Одинокая старость, болезни, забвение, когда некому будет подать стакан воды или «утку», закрыть очи, достойно похоронить.

– Я не одинок, у меня есть Джим. Я к нему отношусь, как к равноправному члену семьи, – ответил художник, но ужасная перспектива заставила его призадуматься: «Действительно, могут зарыть, как бомжа, в общей яме, никому

будет позаботиться, похлопотать и Джим осиротеет. В лучшем случае кто-нибудь приютит, а в худшем – сдадут в жи- водерню».

– Есть и еще один фактор, препятствие женитьбе.

– Интересно, какой?

– Тамила совершенно равнодушна к домашним живот- ным. Поэтому рано или поздно вспыхнут скандалы по повод- у дога Джима, без которого я жизни не мыслю. Я его на- шел поздней дождливой осенью возле мусорного контейне- ра. Щенок был голоден и дрожал от холода. Какой-то хрен выбросил его из квартиры или частного дома.

– Если выбросил, значит, он беспородный или помесь. Со знатной родословной его бы продали на рынке, – предполо- жила риелтор.

– Породистый, по всем признакам и желтовато-бурому окрасу немецкий дог. Это подтвердил и опытный кинолог. Пес мне послан свыше для помощи, радости, спасения и уте- шения.

– Евдоким Саввич, вы же образованный, светский чело- век, а верите в мистику, в какую-то ересь, – усмехнулась Баляс. – Советую вам выставить дога на собачьи бои. По- знакомлю с организатором, заработаете кучу денег. Хватит не только на погашение долгов за жилищно-коммунальные услуги, на косметический ремонт квартиры, но и на краси- вую с банкетами и фуршетам жизнь.

– Виола Леопольдовна, это же дико, жестоко. Собачьи бои

запрещены законом, – возмутился Суховой. – Ни за какие деньги я не стану рисковать здоровьем и жизнью Джима. Организаторов, хозяев собак и зрителей кровавых побоищ глубоко презираю. Вам следует о жестоком обращении с животными заявить в милицию или прокуратуру.

– У меня нет времени блуждать по милиции и прокуратуре, – резко ответила она. – Покоя от них не будет, затаскают на допросы и очные явки. Себе дороже.

– По этой причине я их тоже обхожу десятой дорогой, – признался Евдоким Саввич. – Они мастера так повернуть дело, что окажешься без вины виноватым.

– Вы совершенно правы. От оборотней в погонах следует держаться подальше, – подтвердила риелтор.

– Согласен с вами на все сто процентов, – произнес он и возвратился к прерванной теме. – И все-таки на свете существуют неведомые нам силы, по своему интеллекту и влиянию превосходящие человека. Неважно, как эту силу люди называют, божьей или неземной, но она существует и управляет судьбами и поступками людей, в том числе и животными. В них по древним поверьям вселились души умерших людей, возможно близких предков.

– А кто вселился в Джима? – спросила Баляс.

– К сожалению, а может и к счастью, это никому неведомо, а сам он сообщить неспособен. Остается только догадываться, что это, кто-то из родственников, умерших в прошлом веке, либо погибший на войне. Так вот, я серьезно опасаясь,

что став полновластной женой, Тамила сразу же выдвинет ультиматум, поставит перед выбором: она или Джим? А может тихой сапой мышьяком или другим ядом его отравит. Своим верным другом, даже для любовных утех, я никогда не пожертвую.

– Похвально и благородно. Насчет собаки я проведу с ней профилактическую беседу. Постараюсь ее убедить, что собаки, кошки – это «наши братья меньшие» и «мы в ответе за тех, кого приручили», – пообещала риелтор.

– Бесплезно. А вас я с Джимом обязательно познакомлю.

– Не надо, не надо, у меня аллергия на собачью шерсть, – возразила Виола. – А вот за Тамилой я такой реакции не замечала. Думаю для вас это лучшая партия. Женщину моложе ее вы уже не найдете. Как говорится, поезд ушел.

– Подумаю, погляжу на ее поведение, – уклончиво ответил художник, догадавшись, что именно по просьбе соседки, Баляс провела зондаж на предмет женитьбы.

Между тем риелтор объявила свой вердикт. – Итак, смотрины состоялись, пора на базу. Вперед, Евдоким Саввич, а то любезная Тамила Львовна нас зажала. Что-то под ложечкой засосало.

«Да, у тебя не ложечка, а большой черпак. Хотя Тамила раза в три легче, но всю икру, наверное, сожрала. Разорите меня своим пристрастием к деликатесам», – с неприязнью подумал он.

– Я готова вам оказать содействие, – продолжила Баляс. –

Документы на эту квартиру у вас дома?

– Да, конечно, храню в серванте, в шкатулке.

– Прекрасно, изучу их на месте.

Сухой проверил краны водопроводной сети, вентили газовой плиты и погасил свет в квартире. Затем старательно закрыл два врезных замка на несколько оборотов. Вместе с Баляс спустились вниз, вышли из подъезда. В загустевшем вечернем небе сверкали крупные апрельские звезды. Женщина отошла в сторону и набрала номер на панели мобильного телефона “Nokia”, услышала отзыв и сообщила:

– Тамила, через двадцать минут подъедем. Я берусь за то заманчивое дело, поэтому наш договор остается в силе.

Подошла к художнику и с улыбкой приказала:

– Живо в машину, а то вино прокисает и картофель остывает. Мы заработали отличный ужин и отдых. Вы меня, откровенно говоря, не разочаровали. Импозантный, интересный мужчина.

– Значит, очаровал? – пошутил он.

– Не торопитесь, еще не вечер. Все приятные дела совершаются вечером или ночью, – с кокетством заметила женщина.

7. Застолье для Баляс

Сухой сел рядом с таксистом, а Баляс на заднем сидении. Водитель со двора вырулил на оживленную, гудящую

транспортом, улицу. Через двадцать минут, как и рассчитывала Виола, они прибыли на место. Подошли к лифту и художник нажал на кнопку вызова. Послышался грохот, будто телега на разбитой дороге, спускаемой с верхних этажей, кабины.

Евдоким Саввич искоса взглянул на тучную комплекцию спутницы и подумал: «Для такой массы нужен грузовой лифт, а не эта узкая коморка. Не ровен час, кабина сорвется, костей не соберешь».

– Пожалуй, я поднимусь по лестнице, – промолвил он. – Лифт старый, изношенный. Трос может лопнуть, не выдержать нагрузки.

– Нет, погоди! Куда же вы, господин? – она грубо схватила его за руку. – А кто меня будет развлекать, если лифт застрянет? Погибать, так с музыкой. Впрочем, не трусь, художник, я пошутила. В этом лифте я уже поднималась вместе с молодым и бравым парнем в камуфляже, проблем не возникло.

– Так это наша гордость, десантник Саня Гребень. Он один во всем доме носит камуфляжную форму, – обрадовался Суховой. – С молодой женой Таней и сынишкой Васей живут на седьмом этаже в съемной квартире. Он работает охранником в коммерческом банке, а раньше служил миротворцем в «горячих точках», был ранен, награжден орденом «За мужество».

– Куда он раненный или контуженный, в пятку или в голову? – спросила Виола Леопольдовна.

– Нет, в левую руку.

– Мне показалось, что он неадекватный. Слишком возбужденный, словно кролик, перед случкой.

– У Сани такой компанейский характер. Рубаха-парень! На селе бы слыл первым женихом, а в городе нелегко в белые люди пробиться. Нужна валюта и блат, много врагов и завистников. Всем приходит на помощь при первой же просьбе. А вот бюрократы вместо того, чтобы предоставить ему жилье, как участнику боевых действий, гоняют по кругу. Наступит момент, когда сорвется и постреляет канцелярских гнид.

– Да, еще много фактов несправедливости и чиновничьего произвола, – посочувствовала Баляс. – Все беды и проблемы из-за бездарного президента, премьер-министра, спикера парламента, депутатов и чиновников, одержимых жаждой обогащения за счет народа. Они живут в другом измерении, в своем сказочном Зазеркалье, эксплуатируя труд наемной рабсилы и природные богатства страны. Таким обиженным, как Гребень, и миллионы других граждан, пора поднять восстание и смести эту сучью власть. А, а, к лешему эту грязную политику, ее ливых лицедеев.

– Смелые суждения, я с вами полностью солидарный. Но Гребень не ожесточился, мечтает устроиться телохранителем к олигарху, чтобы скопить валюты на жилье. Надоело с семьей скитаться по чужим углам. А того не понимает, что в случае нападения на толстосума первая пуля достанется те-

лохранителю и останутся Танюша – вдовой, а Вася – сиротой. Зачем провоцировать трагедию?

– Чаще всего так и происходит, – подтвердила риелтор. – Опытный киллер, чтобы не получить пулю в ответ, в первую очередь устраняет охранника.

– Об этой опасности я его предупреждал не один раз, а Саня в ответ: «Десант не привык отступать, прорвемся. Никто, кроме нас». Отчаянный, рискованный парень.

Открылась кабинка лифта и Баляс впихнула в нее художника, втиснулась сама, прижав его брюхом и грудью к стенке. Суховой затаил дыхание, на лбу выступил пот. Невозможно было пошевелиться. Мадам прижала, будто могучим прессом.

– В тесноте, да не в обиде, – обдала она его горячим, парным дыханием. Невольно вспомнилась оранжевая топка кофегарки, где довелось во время студенчества подрабатывать к скромной стипендии. В таком несуразном тандеме доехали до шестого этажа. На три коротких звонка Швец открыла входные двери:

– Заждалась вас, мойте руки и за стол. У меня при виде таких деликатесов под ложечкой сосет, но я терпеливая, – призналась Тамила, хотя Суховой подметил резкое уменьшение бутербродов с черной и красной икрой, и, преодолев робость, спросил:

– Тамила, куда подевалась икра?

–Какая еще икра, кабачковая или баклажанная? Так ее на

столе и не было, – округлила она зрачки. – Это пища для мужиков, крестьян, столяров и плотников...

– Черная, красная и паюсная икра. Где она подевалась?

– Прозрел, старый пень. Усохла икра, пока ты с Виолой катался. Мог бы и больше прикупить, как я велела, а ты по-жадничал, – упрекнула соседка, облизывая маслянистые губы. – В море икорка тебя поджидает.

– Я не осетр, чтобы ее метать.

Дабы не распалять страсти, мысленно пожелал: “Чтоб ты, ненасытная зараза, подавилась”.

Виола Леопольдовна, а затем и хозяин квартиры, вымыли руки и сели за стол.

– Рафаэль, не будь скрягой, включи-ка люстру для праздничного настроения! – по-хозяйски велела Тамила.

– И без люстры светло. Ложку мимо рта не пронесешь. Если превышу лимит по потреблению электроэнергии, то с меня взыщут двойную плату.

– Не скупись, где наше добро не пропадало, еще успеешь в потемках в гробу належаться.

– Типун тебе на язык.

– ты не вечный, все мы там будем. А сейчас должно быть светло и празднично в честь знатной гостыи, своим визитом оказавшей тебе почести и услугу.

Художник включил, на трех рожках вспыхнули лампочки, каждая в 40 ватт.

– Теперь полный порядок, почти все в ажуре. Люблю

блеск и шик, – сообщила Швец и крепко, на правах тамады взяла инициативу в свои руки:

– Солянка на месте, а где хрустальная пепельница? – окинув воловьим оком содержимое стола, спросила Баляс.

– Здесь не курят. Джим и я не переносим табачного дыма, – ответил хозяин.

– Рафаэль, брось заливать. Виола привыкла к тому, что ей все разрешено. Живо носи хрустальную пепельницу! – велела соседка.

– Пепельницы нет.

– Тогда подай чашку или блюдечко, – и сама, не дожидаясь его реакции, открыла дверцу серванта, взяла фарфоровую чашку из чайного сервиза и поставила на стол возле гостьи.

Скрипя зубами, художник промолчал и, заметив в руке риелтора пачку сигарет «Пьер Карден», подумал: «Такой кобыле следовало бы курить махорку или папиросы «Беломорканал», а не пикантные импортные сигареты с ментолом.

– Давайте выпьем за приятное знакомство. Тебе, Рафаэль, коньяк, а нам, слабым женщинам шампанское. Открывай бутылку, или разучился ухаживать за прекрасными дамами? Аккуратно, чтобы без хлопка, а то весь напиток в пену уйдет...

Суховей взял тяжелую темно-зеленого цвета бутылку, сорвал фольгу и расслабил проволоку, прижал пробку пальцем, чтобы ее не сорвало давлением. Медленно стравил воздух.

– Для начала следует оформить генеральную доверенность. Заверить ее в нотариальной конторе, – напомнила Баляс о причине встречи. – Но уже поздно, конторы закрыты. Поэтому этим вопросом займемся завтра, а сегодня, как поется, я тебя очаровала. Уважим Евдокима Саввича, чтобы зазря продукты и напитки не пропали.

Хозяин разлил шампанское по фужерам, а Тамила его рюмку наполнила коньяком из давеча початой бутылки.

– Выпьем за дружбу и плодотворное сотрудничество! – на сей раз, тост огласила Виола. Выпили и налегли на закуску.

– Везучий ты, Рафаэль, только не сочти за зависть, – нарушила паузу Швец. – Такое богатство неожиданно-негаданно подвалило. Получишь скоро кучу долларов или евро, положишь на депозит в банк и будешь жить на проценты, как кум королю, ни в чем себе не отказывая. Где бы мне такого муженька-спонсора найти?

– Да, легче станет, – согласился он и пожаловался. – А то ведь пенсии при самых скромных расходах хватало лишь на две недели. Из-за этого и Джиму приходится страдать – редко ему переппадают любимые сахарные кости, а все больше овсянкой и перловкой кормлю, словно жеребца. Кстати, где мой дог?

– Я его на лоджии закрыла, чтобы не беспокоил, не напрягал Виолу, – ответила соседка, поглощая последний бутерброд с красной икрой.

– Он же у меня смирный, культурный и сообразительный

пес, – упрекнул ее Суховой. – В меня характером.

– Да, собаки копируют поведение и настроение хозяина, даже иногда обликом на него похожи, – подтвердила Баляс. – Вы, наверное, заядлый охотник? Очень обожаю жаркое из дичи, утки, фазана, перепелки или кабанчика...

– С чего вы взяли, что я охотник?

– Так ведь собаку держат не ради баловства, а для охоты или охраны. Зачем задарма корма переводить? Я совершенно не понимаю психику и логику владельцев собак. Никакого проку, одни проблемы. Постоянный запах псины, экскрементов, вши, блохи, гниды, клещи, шерсть. Пес взбесится и покусает, а то и загрызет. Таких трагических случаев немало.

– Только от жизни собачьей собака бывает кусачей, – напомнил Евдоким Саввич. – Джим за заботу и доброту платит мне той же монетой. В отличие от людей, совершенно избавлен от таких гнусных качеств, как лукавство, жадность, коварство и предательство.

– И где они, медали, монеты, хотя бы медяки? – усмехнулась соседка и сама же ответила. – В унитазе.

– Так и люди работают на унитаз, – парировал он и, не глядя на гостью, произнес. – Особенно с отменным аппетитом.

Баляс, увлеченная деликатесами, пропустила его намек мимо больших оттопыренных, как у слона, ушей с гроздьями сверкающих рубинами золотых серег..

– Рафаэль, я давно хотела тебя спросить?

– Так спрашивай.

– Зачем ты завел такого большого пса. Мог бы держать таксу, пуделя или спаниеля. После дога, наверное, какашки, не к столу сказано, тачками вывозишь, весь подъезд пропах мочой и псиной.

– Я его не выбирал, мне Джима сама судьба послала. Подобрал его брошенным, голодным щенком, – возразил Суховей.

– Если такой милосердный, то так тебе и надо. Нюхай его испражнения, но не отравляй настроение соседям.

– Джим – чистоплотный, нужду справляет во время прогулок.

– И все же ты не прав, слишком расточителен. Зачем, скажем, кормить Джима, если с таким же успехом можно обзавестись свиней или козой. Всегда на столе будут сало, мясо и молоко. Еще от продажи излишек реальная прибыль.

– Эх, Тамила, мелочная, меркантильная душонка, все измеряешь деньгами. «Братья меньшие» даны Творцом для радости и пользы. Джима держу из любви к животным, которые в отличие от людей, корыстных и коварных, никогда не предадут и даже, иногда, жертвуют своей жизнью. Коты и кошки, хоть и гуляют сами по себе, но привязаны к человеку, врачуют его от недугов лучше иных докторов с «липовыми» дипломами.

– А-а, бабушкины сказки, – небрежно махнула соседка рукой и упрекнула. – Если Джим такой умный, то почему у него нет ни одной медали? У других псов шеи гнутся под тяже-

стью наград, а у твоего пса ни одной, даже простой медяшки.

– Потому что мы не участвуем в дешевых спектаклях, где все пропитано фальшью и обманом. Конечно, в том вина не собак, а их владельцев и продажных судей. Я однажды посмотрел на этот конкурс и решил не марать Джима в этой грязи взрослых забав и интриг. Там схема простая, кто больше вложил средств в мероприятие, в том числе и праздничный банкет, того кобеля или суку признают победителем, дают дипломы, цепляют на шею очередную бляху. Подобное, творится и в клубе любителей кошек.

– Чтобы не говорил, как бы, не рекламировал своего пса, а самое лучшее лекарство от стресса и прочих болячек коньяк и шампанское под шикарную закуску, черную, красную и паюсную икру, – сообщила Тамила.

– Интересное у вас, Евдоким Саввич, кредо, – усмехнулась риелтор, и упрекнула. – Люди, как и собаки, тоже бывают разные, и дворняжки, и благородные, породистые псы и суки. Поэтому не следует всех мерить одним аршином.

– Только от жизни собачьей собака бывает кусачей, – снова напомнил художник. – От рождения все щенки добрые и потешные, а злыми собак делают люди. Очень точно подмечено, что они копируют характер, даже внешность и манеры, своего хозяина. Меня возмущает и огорчает, что люди держат собак на цепи в холоде и голоде. Некоторые дикари, садисты их отстреливают или устраивают кровавые бои, ради азарта и обогащения. А ведь животные, как и люди, достой-

ны лучшей жизни. Я верю, что наступит время, когда человек, собака и другие животные будут существовать на равных в доброте и гармонии.

– Рафаэль, ты идеалист, мечтатель. Индюк тоже думал и в суп попал. Выкинь из головы эту ересь, а то признают дебилом или шизофреником, – предупредила соседка.

– По характеру я добродушный, миролюбивый и поэтому Джим – смирный, словно телок, не проявляет агрессию. Он тонко чувствует характер человека, его настроение, замыслы и намерения...

– Прямо таки экстрасенс. А на меня злобно рычал и несколько раз облаял. Не телок, а волкодав, готовый из-за угла клыками и зубами цапнуть, – пожаловалась Швец.

– Наверное, у Джима была причина для недовольства, – предположил художник.

– Однажды ударила шваброй, – призналась соседка.

– За что?

– Он сделал под моей дверью лужу, намочил коврик.

– Ты видела, что это он?

– Не видела, но по запаху мочи определила, – ответила

Тамила.

– Тоже мне парфюмер-самородок. Может, алкашу или подростку приспичило? Надо было сдать мочу в лабораторию для анализа.

– Не хватало мне позориться с мочой, – возмутилась Швец.

– Тогда нечего на Джима грешить. Он нужду справляет в парке под кустами.

– Рафаэль, прекрати со своим псом превращать парки, скверы, детские площадки с песочницами, где играют детишки, в гадюшники, а то заявлю в санэпидемстанцию! – потребовала соседка. – Если бы ты был один, но вас, собачников, становится все больше и больше. Будь моя воля, я бы всех владельцев собак выселила из городов в села, чтобы их псы не смердели. Там от них хоть какой-то прок, а в городе нет житья и покоя.

– Отчасти Тамила права, – поддержала ее Баляс. – Гадить в парках, скверах, а тем более на детских площадках, не годится. Из-за антисанитарии могут возникнуть инфекционные эпидемии. В Германии и в других странах Европы хозяин не посмеет вывести собаку на прогулку без намордника, поводка, совочка и мешочка. Если пес навалит на тротуар или помочится, а хозяин начисто не уберет экскременты в мешочек, то будет оштрафован полицейским.

– А куда же их потом девать? – спросил Суховой.

– Домой и в унитаз, – ответила Виола.

– Мотай, Рафаэль, на ус. Кстати, коль заговорили об охоте, то какая из них на твой взгляд, самая лучшая и приятная? – вмешалась в диалог изрядно захмелевшая соседка и лукаво подмигнула Виоле. – Будь ты, хоть семь пядей во лбу, ни за что не угадаешь.

– Ха, удивила, озадачила. Тут и отгадывать нечего, выбор

невелик, – самоуверенно произнес художник. – Есть четыре вида охоты: первая – на дичь. Но я считаю это варварством, унаследованным от наших диких предков, когда они еще жили в пещерах, охотились на мамонтов и прочих животных. Нам не дано право, лишать жизни «братьев меньших», разве что в случаях самообороны. Но какая может быть угроза от зайца, утки, да и крупные хищники стараются человека, как главного хищника, обходить стороной. Я авторитетно заявляю: живопись и охота на дичь – несовместимы!

– Да, ты у нас большой авторитет, шишка на ровном месте, – ввернула реплику Тамила. – Ни славы, ни денег, одни мечты и амбиции. Суховей, все равно, что курай, перекасти-поле, который катится по коровьим «лепешкам» и овечьему «гороху», черт знает куда?

– Не было среди великих художников кровожадных охотников, тех, кто бы убивал зверей и птиц. Удовольствие должно быть не только для брюха, ненасытной утробы, но и для сознания, духовного эстетического удовлетворения. Недаром говорят, что мир спасет красота.

– Рафаэль, ты глубоко заблуждаешься. Мир спасут изысканные напитки и деликатесы, – возразила Швец. – Когда человек сытый и подшофе, то ему и море по колено. Душа поет и радуется. А художники не от мира сего, с приветом. Недаром Никита Хрущев называл их педерастами...

– Этот свинопас для меня не авторитет, – заявил Суховей. – Он в живописи разбирается, как баран в Библии. У

тебя психология мещанки, тревоугодницы и транжиры.

– У знаменитых живописцев не было проблем с мясом, вином и другими напитками, поэтому и не охотились, – сделала вывод Швец. – А ты при своей жалкой пенсии рад ржавой селедке, кильке, тюльке или хамсе. И насчет того, что человек главный хищник, слишком загнул.

– Конечно, человек человеку рознь, – согласился Евдоким Саввич и продолжил. – Вторая охота – это рыбалка, но не браконьерство. Поймал килограмм карасей или бычков для ушицы и довольно, чтобы море, река, озеро или пруд не оскудели. И третья охота – за грибами, ее еще называют тихой. Но и здесь должна быть мера. Собрал немного груздей, маслят или шампиньонов и вполне достаточно, чтобы другие грибники не были обижены. Четвертая – за лесными ягодами, рябиной, калиной, облепихой, черникой, земляникой, малиной, голубикой, барбарисом или за лекарственными травами. Как по мне, это самая лучшая и приятная охота. Ну, как, Тамил, угадал, в самое «яблочко» попал?

– Попал, пальцем в небо, – съязвила соседка и укорила. – Эх, какой-то ты слишком правильный, не от мира сего или косишь под благодетеля? Запомни, завяжи узелок. Самая лучшая и приятная охота, когда тебе и ей очень охота. Ха-ха-ха! Вот это и есть настоящая охота, а остальное трын-трава.

Суховей сначала опешил, а потом смущенно заметил:

– Тамил, какая ты, однако вульгарная баба, ни культуры, ни стыдливости.

– А чего стыдиться, если так оно и есть? Все мы здесь свои, почитай, одна семья. Недаром говорят, что все люди братья и сестры, – досадливо отмахнулась она. – У тебя, сосед, хоть ты и маляр, вшивый интеллигент, но чувство юмора атрофировано.

– Это не юмор, а пошлость. У кого, что болит, тот о том и говорит. Помешались на сексе и разврате.

– Правда, забавный анекдот. Я сама придумала, пока ты с Виолой насчет охоты спорил, – похвасталась Швец.

– Я собак не боюсь, так как убеждена, что следует опасаться маньяков, наркоманов, хотя они меня обходят десятой дорогой. Понимают, что будут биты, – подала голос Баляс. – Но у меня другая проблема аллергия на шерсть собак, кошек и прочих мохнатых и волосатых животных. Предпочитаю держаться от них подальше, забочусь о своем здоровье, до которого никому нет дела.

– Тогда все понятно. В Джиме я души не чаю, делюсь последними харчами, он за это платит преданностью, – признался хозяин. – Роднее его у меня на этом белом свете никого нет. Понимает меня с полуслова. Уже и не помню, но кто-то из великих признался: чем больше я узнаю собак, тем больше разочарован в людях. Сравнение не пользу гомо сапиенс, потому, что собака не предаст человека. С болью и ужасом думаю о том, что с ним будет, если я вдруг умру? Сгинет, не умеет добывать пищу.

– Тоже мне вселенская проблема! – усмехнулась Швец. –

Не сгинет, мир не без добрых людей. Завещай ему квартиру, другую недвижимость и имущество, как это делают в США и других цивилизованных странах. Там проявляют в высшей степени гуманность к домашним животным, оставляют богатое наследство любимым собакам, кошками другим питомцам. Охотно стану опекуншей твоего Джима. Буду заботливо ухаживать, кормить, поить, холить, убирать экскременты, беречь, как зеницу ока.

– Что-то очень сомневаюсь, ведь ты, кроме себя, никого не любишь, – заметил художник.

– Почему ты так решил?

– Возле тебя нет ни собачки, ни кошки, даже хомячков, морских свинок или попугая и кенара. В квартире тишина и покой, как в склепе. Слышно, как тараканы лапками шуршат.

– Типун тебе на язык, у меня тараканы и клопы не водятся! Это уму непостижимо обозвать мою квартиру, мой уютный уголок склепом. Тогда по-твоему получается, что я – мумия. Совсем стыд и совесть пропил. В таком случае твою холостяцкую берлогу, протухшую псиной, я считаю сортиром. Скажи на милость, на коль ляд мне эта мелюзга, какая от нее польза? Я не прислуга, чтобы кормить, поить и убирать отходы за дармоедами.

– Они наши братья меньшие, даны господом для радости и заботы.

– У меня в квартире без них идеальная чистота, – стоя-

ла на своем Швец. – Виола, пошли отсюда, ноги здесь моей больше не будет.

– Погоди, не горячись, охлади свой пыл, – произнесла гостя. – Не спорьте, не ссорьте по пустякам, ведь ваша перепалка – пустой треп. Таких прецедентов в России, чтобы человек завещал свое наследство собаке, кошке, корове, овце или козе, нет. Действующим законодательством подобные сделки не предусмотрены. Возможно в отдаленном будущем, они станут реальными. Тогда и однополые браки разрешат и собак, кошек, канареек признают наследниками.

– Коль такая перспектива, то тебе, Рафаэль, лучше заранее оформить на меня завещание, чтобы потом чиновники-взяточники не морочили голову, – воспрянула духом Тамила. – Досмотрю тебя и Джима до самого последнего вздоха и достойно похороню.

– Спасибо за похороны, – с сарказмом отозвался Суховой. – На тот свет не собираюсь, чувствую себя достаточно бодрым, чего и вам желаю. А на твои обещания отвечу словами классика: «Свежо предание, да верится с трудом». На сто процентов я доверяю только Джиму. Он, защищая меня, готов пожертвовать своей жизнью.

8. В союзниках Есенин

– Знаете, у меня есть любимое стихотворение, написанное Сергеем Есениным, называется «Собаке Качалова», – худож-

ник перевел разговор на любимую тему. – Может, кто помнит, был такой известный московский артист?

Дай, Джим, на счастье лапу
Такую лапу не видал я с роду.
Давай с тобой полаем при луне мне,
На тихую, бесшумную погоду...

– О-о, Рафаэль, браво! – воскликнула Швец, захлопав ладонями.

– Меня, милые дамы, до глубины огорчает, что если прежде живопись, литературу, музыку и шедевры других видов искусства люди боготворили, а книги читали взахлеб, то ныне во всем ищут коммерческий, меркантильный интерес. Раньше творцы сочиняли для души, а сейчас халтурщики ради бабла. К тому же эта зараза, Интернет с его компьютерными играми и порно-сайтами, оторвал детей и молодежь от чтения книг, от созерцания дивных красот, – с печалью заявил Суховой.

– Тебе еще пару рюмок и ты не только нудную лекцию прочитаешь, но запоешь и гопака станцуешь, – подначила соседка. – Живо, щирый хохол, надевай свои красные шаровары и посучи, подергай своими кривыми волосатыми ножками.

– У меня нет шаровар, я – москаль, и ноги у меня стройные, – заявил Евдоким Саввич.

– Я представляла вас «сухарем», старым занудой, – при-

зналась слегка захмелевшая Баляс.— А вы оказывается гений, интеллеktуал, романтик и лирик. Как говорят в народе, и жнец, и швец, и на дуде игрец. Очень приятно иметь дело с таким эрудированным и утонченным господином.

— Виола, не льсти, не создавай культ личности, а то он возгордится, нос задерет, — предупредила Швец. — Тоже мне непризнанный гений, артист с погорелого театра. Только и может, что холсты малевать и на стенах шары, развешивать.

Польщенный похвалой гостыи, признался. — Я не только живописец, но и литератор, сам сочиняю. Виола Леопольдовна, послушайте и оцените.

Он поднялся в полный рост и занял присущую пииту позу:

Этот дог был не плох,
искусал он сотню блох.
А одну блоху оставил
и плясать ее заставил...

— Ну, как? Джиму очень нравятся эти стихи. Он шалет и резвится от восторга, когда я декламирую.

— Ой, держите меня, а то упаду, — схватилась Тамила за живот.— До слез рассмешил. Ну, Рафаэль, тебе следует, не картины малевать, а выступать в цирке клоуном или участвовать в качестве юмориста в концертах звезд эстрады. Деньжищи бы загребал совковой лопатой и нам бы что-нибудь перепало.

– Да, стихи изумительные, способны вызвать жалость к бедным насекомым, – следом рассмеялась Виола Леопольдовна. – Это какой-то геноцид по отношению к блохам. Не ровен час, что при усердии догов, придется этих насекомых, хоть они и паразиты, заносить в Красную книгу.

– Эти твари очень плодовиты и неистребимы, их, что в небе звезд, – успокоил художник.

– Рафаэль, сейчас же смени тему. Забодал ты всех своим Джимом, будто на нем свет клином сошелся, – потребовала Тамила. – Перед тобой прекрасные дамы, а ты о паршивом псе языком чешешь. Совесть и честь надо иметь.

– Пока Джим живой, мне умирать нельзя, иначе пропадет, – не обращая внимания на упрек, признался Суховой.

– Тебя никто не хоронит, – усмехнулась соседка, а он продолжил:

– Как только похороню его, то и самому можно будет на покой. Никто и ничто на земле не будет держать.

– Какой вы, однако, пессимист, – заметила риелтор. – Сколько псу лет?

– Семь. При хорошем уходе может прожить до двадцати лет. Так что, как минимум мне надо еще продержаться тринадцать лет.

– Осилите?

– Должен. Чувствую себя нормально, больших проблем со здоровьем нет.

– Рафаэль, смени тему на светскую беседу, – настойчиво

велела Швецу.

Он призадумался: «Действительно, это для знатной гостьи может быть неинтересно и утомительно. Еще посчитает меня узколобым, интеллектуально ограниченным человеком и откажет в помощи». Он решил, завести беседу о природе и ее изображении в искусстве, пейзажной живописи. Начал издалека:

– Уважаемая Виола Леопольдовна, для меня матушка-природа – это богатейшая палитра удивительных красок, акварелей, неисчерпаемая кладезь для живописца...

– Погоди, погоди, Рафаэль, – Швецу нарушила его виртуозное изречение. – Что ты, насчет пол-литра сказал? Нам выпивки может не хватить, сбегай-ка в магазин, пока на ногах держишься, не развезло, как квашню.

– Ну, тебя в баню, – с досадой отмахнулся он. – У тебя одно на уме, только бы налакаться. А Виола Леопольдовна – натура эстетически утонченная.

– Не дуйся, сам ведь о пол-литра напомнил, никто тебя за язык не тянул, – отозвалась она и похвалила. – Между прочим, из тебя неплохой стихоплет. Сочини-ка что-нибудь приятное о Виоле. О собаке и блохах, любой графоман сочинит, а ты попробуй о любви. Может слаб в коленках?

– Не слаб, легко, – и, не задумываясь, выдал на-гора. – Мадам Баляс пустилась в пляс. И пьет шампанское, не квас...

– Хорошо, что не во все тяжкие пустилась, – усмехнулась гостья и сурово оценила. – Пошло, вульгарно. Я предпочитаю

таю балет, вальс, а пляски для пьяных баб и мужиков. Это вы скоро попляшите, когда привалит гора валюты, а у меня, пока нет повода для телячьих восторгов.

– Тогда такой вариант: мадам Баляс любит коньяк, балет и вальс, – исправился художник и признался. – Поэт из меня неважный, а вот настоящую поэзию высоко ценю. Давайте я почитаю вам стихи «Собаке Качалова», «Сукин сын» или «Песнь о собаке».

– Жара началась, Рафаэля понесло. Его хлебом не корми, а дай чужие стишки почитать, покрасоваться, – пренебрежительно промолвила Швец. – Помешался на своем псе и Есенине, таком же забулдыге, гуляке, как и сам.

– Не смей в моей квартире, негативно отзываться о великом русском поэте! – осмелев, Суховой крикнул на соседку и признался. – Я часто размышляю над тем, что, если бы у актера Василия Качалова не было собаки, то не родились бы такие прекрасные, проникающие в душу, стихи. Именно поэтому я дога назвал Джимом. У Есенина много замечательных стихов о животных, которые по некоторым способностям, а также верности и преданности превосходят человека. У собак зрение, слух, обоняние намного чувствительнее, чем у людей. Кроме того они предчувствуют и предупреждают о землетрясениях и других стихийных бедствиях. Сейсмологи с их навороченным оборудованием и приборами лишь постфактум фиксируют подземные толчки. Мы еще многое не знаем об уникальных способностях «наших бра-

тьев меньших».

– Рафаэль, тебя послушать, так не человек призван повелевать собаками, а наоборот. Лучше скажи, когда собаке делать нечего, чем она занимается?– сощутив лукавые глаза, спросила Швея и, сама же ответила.– Яйца лижет. И ты туда же, будто нет других тем для душевного разговора.

–Если бы люди почитали собак, как в Древнем Египте или Риме, то больше было бы порядка, – ответил художник и с азартом продолжил. – К сожалению, человек, возомнив себя царем природы, является самым страшным хищником. Хотя он имеет право на жизнь, такое же, как собака, кошка или другое домашнее или дикое животное.

– В Египте не только собаку, но и кобру почитали, – прошептала их Баляс.

– Раввины и попы утверждают, что с последним вздохом душа покидает бренное тело, обретает свободу и вечную жизнь, а плоть превращается в корм для червей, – таинственно шепотом изрекла Тамила.

– Ты к чему это? – насторожился художник.

– К тому, есть ли душа у Джима?

–Конечно, он же создан из такой же плоти, как и человек. Животные с их уникальными качествами до сих пор остаются объектами исследования ученых.

– Странно, ты же прежде не верил ни в бога, ни в черта. Считал себя воинствующим атеистом, а ныне зациклился на душе, – напомнила она. – Не удивлюсь, если ты однажды ста-

нешь монахом, облачишься в рясу.

– Когда это было? Ошибки молодости, романтика, максимализм, – с грустью ответил Евдоким Саввич. – А теперь понял, что есть неведомая для людей, сила, которая контролирует наши действия. Тех, кто сознательно и часто совершает грехи, наказывает неизлечимыми болезнями и другими страданиями. А праведников, живущих честно своим трудом, отличающихся скромностью, добротой и милосердием, оберегает от недугов и пороков. Не следует обижать питомцев творца, тех же лошадей, коров, свиней, овец, коз и, конечно же, собак и кошек. Уверен, что в будущем, когда человек осознает это варварство, станет более-менее совершенен, он откажется от мясных блюд. Все станут вегетарианцами.

– Рафаэль, ущипни себя за ягодицу, очнись, не неси сущий бред, Как же без колбаски, балыка, ветчины, буженины, шашлыка, жаркого и другой вкуснятины? – остановила его соседка. – Без этого меню люди превратятся в травоядный скот. И хватит нам читать лекцию о собаках. Разве других интересных тем нет, а тебя заиклило на Джиме.

– Употребление мяса – это пережиток, анахронизм далекого прошлого, когда ради выживания наши дикие предки с палками и камнями охотились на мамонтов и других крупных животных. Теперь в этом нет необходимости, достаточно растительной пищи, – продолжил он.

– Евдоким Саввич, вы можете отказаться от мяса, а я от

нежных лягушачьих лапок – никогда! – твердо заявила Виола Леопольдовна. – На одной растительной диете мой могучий организм не продержится. В овощах, фруктах и ягодах много витаминов, но мало белка и калорий.

– Не огорчай Виолу своими бредовыми идеями, – набросилась на соседа Швеца. – Хватит нас доставать рассказами о своем псе. Выкинь из головы, никому не рассказывай о своих фобиях и фантазиях, а то посчитают, что «крыша» поехала и отправят в дурдом к Маграму. Засмеют и даже изобьют.

Имя психиатра Маграма было у горожан на слуху. Каждый норовил своего обидчика или соперника сделать его пациентом и Тамилу туда же.

– Есенин много сочинил стихов о природе и любви, – продолжил художник, пропустив претензии соседки мимо ушей.

– Не слишком его возвеличивайте. Сережка еще тот был гуляка. Он сам себя в поэмах и стихах называл хулиганом и забулдыгой, – вступилась за Тамилу риелтор. – Это он написал: «...где всю ночь напролет до зари я читаю стихи проституткам и с бандитами жарю спирт», «Хулиган я, хулиган, от стихов дурак и пьян». Есенин пил, буянил, мутузил Айседору Дункан, других своих жен и любовниц. Хотя поэт он замечательный, душевный. Что на это, маэстро, скажите?

– У каждого человека есть слабости, свои тараканы в голове. Абсолютно идеальной личности не существует, – ответил Суховой. – Вы же любите...

Осекся, ибо напрашивалась фраза «на халяву выпить, за-

кусить...»

– Рафаэль, а какие у тебя слабости, тараканы в голове? – сбила его с мысли соседка.

– Тебе со стороны виднее. Моя оценка будет сугубо субъективной, а значит недостоверной.

– Мне, кажется, что тебя обуяла мания величия. Ты возомнил себя великим живописцем, ровней Рафаэлю.

– Если бы меня обуяла эта мания, то я бы не скромничал, а ходил бы по инстанциям, стучал во все двери, требовал признания, организации персональных выставок и продаж картин на аукционах по высоким ценам, как это делают халтурщики.

– Кому надо твое фуфло? Разве, что на растопку печей, – уязвила его Тамила.

Привыкший к ее колкостям, Суховой продолжил в ином ключе. – Есенин писал о себе с горькой иронией. Не от хорошей жизни уходил в загул. Большевики, особенно евреи Троцкий, Бухарин и чекист Блюмкин, не ценили его талант, притесняли, третировали и уничтожили. Имитировали самоубийство в ленинградской гостинице «Англетер».

– Возможно, возможно, но это одна из версий. Тайна его гибели до сих пор не раскрыта, – заметила риелтор. – Я бы с удовольствием послушала стихи в вашем исполнении, но на сегодняшний вечер достаточно. Оставим на другой раз. Евдоким Саввич, лучше скажите, у вас есть дети, наследники?

– Нет, один, как перст.

– А внебрачные?

– Не знаю, известий не поступало.

–Спрашиваю не ради праздного любопытства, знаю, что художники, поэты, музыканты охотно своими семенами, ну значит спермой, особенно в молодые годы, разбрасываются, – сказала гостя. – Дело в том, что дети, как прямые наследники вправе претендовать на часть прибыли, на свою долю от продажи квартиры.

–Рафаэль направо и налево разбрасывал семена, поэтому и остался на старости лет бобылем, – с осуждением заявила Тамила.

– Никогда бы не подумала, что такой на вид интеллигентный человек оказался бабником, – огорчилась Баляс.

– Именно среди интеллигентов, художников, музыкантов, артистов, певцов, поэтов, режиссеров, актеров больше всего бабников. Одним словом, богема, пьянки, гулянки, блуд... Вот и Рафаэль гулял направо, крутил романы с натурщицами и девицами легкого поведения, – сообщила Швец. – Может и зачал, оплодотворил одну или нескольких? Так ведь теперь не докажешь.

– По анализу ДНК можно установить отцовство и материнство, – напомнила Баляс. – Но это очень дорогостоящая процедура, поэтому редко кто ее заказывает

– Никто претензий не предъявлял. Уже много лет прошло, – сожалея или радуясь, произнес Евдоким Саввич. – Не помню, чтобы я кого-то обрюхатил.

– Значит, с этой стороны «сюрпризов» не будет?

– Не будет. Виола Леопольдовна, простите за нескромный вопрос, вы замужем? – осмелился спросить художник.

– Что, нравлюсь, глаз положил? – смутила она его прожигающим, пристальным взглядом и ответила. – Если вас это так волнует, то я свободная от семейных уз и забот женщина.

– Так вы – феминистка?

– Нет, садистка, – ошеломила она клиента. Он часто заморгал белесыми ресницами, не зная, куда повернуть разговор, но она взяла бразды в свои руки.

– Не бойся, живописец, я обычная женщина и ничто человеческое мне не чуждо. Живу в достатке, в свое удовольствие. Крепкий, выносливый и неутомимый мужчина мне нужен не для того, чтобы я ему готовила пищу, стирала и гладила одежду, а для постели, – откровенно призналась риелтор. – Господь не зря создал каждой твари по паре, чтобы они совокуплялись, наслаждались и размножались. И человек должен следовать его воле, Ведь, что естественно, то не безобразно, а прекрасно.

– Господь дал человеку разум, чтобы он контролировал, сдерживал свои страсти, не превращал способ продолжения и сохранения человеческого рода в разврат, – возразил Суховей.

– Кто бы об этом говорил, но только не ты, – осадила его Швец. – Вспомни, как ты в молодые, зрелые годы блудил, за юбками охотился.

– Не блудил, а удовлетворял естественные потребности, – парировал он ее выпад. – Мне это необходимо для творчества и вдохновения, а женщинам для высокого тонуса.

– И приворотного зелья не надо? – удивилась Тамила.

– Абсолютно не надо. Походы к разным ворожеям, бабкам и прочим шарлатанам, гарантируют лишние расходы. Искусство соблазна, искушений, флирта зависит от многих факторов: внешности, грациозных, возбуждающих движений тела, интонации голоса, влекущего смеха и взгляда, мимики лица, цвета волос и пеньюара, комплиментов. Мужчины, как дети, любят, когда ими постоянно восхищаются, расхваливают их достоинства и не замечают недостатков, а также от элитных напитков и блюд. Все это в совокупности создает особую ауру, шарм для обольщения и секса. Это уже потом после штампа о браке в паспорте и свадьбы можно с ногами забраться мужу на шею, что многие жены и делают, используя свое главное оружие – прелести и ласки соития. А сначала надо ловко заманить жениха в сети и незаметно превратить в подкаблучника.

– Вам это удастся? – спросил художник.

– Было бы странно и несправедливо, если бы меня не хотели. Мужчины стараются покорить, подмять под себя тех, кто сильнее. Этим они компенсируют, присущий многим, комплекс неполноценности, робости. Легкодоступные женщины быстро приедаются, становятся неинтересными и назойливыми. Или я не права, ошибаюсь,? – ободряюще взглянула

на Суховея.

– Правы на все сто процентов. Высоко ценится лишь то, что достигается, дается с большим трудом. Подобный критерий приемлем и для живописи, других видов литературы и искусства, – глубокомысленно изрек художник.

– Рафаэль, тебе говорят о любви, а ты все о своей живописи, – упрекнула Швец. – На ней свет клином не сошелся. Надо, не теряя времени, наслаждаться самым сладким божьим даром.

– В этом нет ничего предосудительного и греховного, – продолжила Виола. – Это физиологическая потребность организма, как в воздухе, пище, воде и ее надо постоянно удовлетворять, иначе от длительного воздержания могут возникнуть проблемы с психикой.

– Не опошляйте прекрасное чувство любви. Оно с древних времен вдохновляло художников, поэтов, музыкантов, скульпторов на великие творения, – напомнил Суховой.

– Евдоким Саввич, не сгущайте краски, не драматизируйте. Один поэт точно назвал любовь прикрашенным инстинктом деторождения, – сказала Баляс. – Я с ним полностью согласна. Романтика и поэзия любви сводятся к биохимической реакции. Впрочем, современные технологии достигли такого прогресса, что можно родить ребенка без сношений. Зачатие происходит в пробирке, а затем оплодотворенная яйцеклетка развивается в утробе суррогатной матери.

– Без медового месяца неинтересно, – вздохнула Швец.

– Наши древние предки не связывали рождение детей с совокуплениями. Именно тогда и появились сказки о том, что малышей приносят аист или их находят в капустных грядках. До сих пор престарелые бабки тешат внуков и правнуков этими байками, хотя те из Интернета знают, откуда дети берутся? Вы, Евдоким Саввич, наивный романтик, смотрите на все через розовые очки. Надо любить, пока любиться и совокупляться, пока хочется и можется. Пока есть влечение и желание, то есть либидо, человек живет, как только пропадает интерес к сексу он потенциальный покойник.

– Все мы потенциальные покойники, бессмертных нет, – заметил художник.

– Но те, кто регулярно занимается сексом, живут дольше импотентов, – возразила она. – Человека можно считать вполне счастливым, когда у него вдоволь пищи и секса, а остальное мелочи жизни, суета сует...

– А как же высокое искусство, живопись, поэзия, театр, балет, музыка, духовные, эстетические потребности? – возмутился Суховой.

– Рафаэль, пошел ты степом со своим искусством. Как дятел задолбал, все сводишь к живописи, словно на ней свет клином сошелся, – осадил его соседка. – Виола права, вкусная пища, крепкие напитки, деликатесы и секс – вот источники жизни и счастья.

– Вам бы только напиться, набить требуху под завязку, – вздохнул Евдоким Саввич,

– Тамила, включай магнитофон. Найди, что-нибудь веселенькое, – велела Баляс, заметив в нише серванта стереомагнитофон «Весна». Швец подошла, включила в сеть, вставила кассету и нажала кнопку воспроизводства звука. Зазвучал голос Софии Ротару: «Лаванда, горная лаванда».

– Рафаэль, тряхните стариной, пригласите Тамилу танцевать.

– Я давно этим не занимался, – оробел он.

– В таком случае объявляю белый танец. Тамила пригласи кавалера, – велела гостья.

– С удовольствием! – улыбнулась соседка и вытащила художника из-за стола. Он, боясь наступить ей на лакированные туфли, едва передвигал ноги.

– Рафаэль, что ты, как не живой? Может вавка в голове, – упрекнула женщина. – Обними меня покрепче за талию, она у меня по-девичьи тонкая. Вспомни свою шальную молодость, как зажигал, шейк, ленку-енку, твист, ламбаду... Плы в клубе, а потом на дискотеке ходуном ходили.

– Когда это было, столько воды утекло? – посетовал он. Швец смело прижалась к нему бедрами, овеяла запахом дорогих французских духов. Он ощутил упругость, гибкость и жар ее тела. Вспыхнуло ранее остывшее влечение и желание.

– Тамила, что с тобой? – прошептал с учащенно забившимся сердцем и пульсирующей в висках кровью.

– Эх, Рафаэль, один раз живем на белом свете, сколько той жизни осталось? Хочется быть любимой и обласканной.

Вспомни, как нам было сладко...– с загадочным блеском глаз ответила она.

– Это заветная мечта каждой женщины, но причем здесь я?

– Разве ты неспособен, если не осчастливить, то хотя бы иногда порадовать?

– Ты меня застала врасплох, я подумаю.

– Думай, соображай быстрее, а то я передумаю.

«Мягко стелет, как бы, не было жестко спать, – насторожился художник. – Неспроста это неожиданное проявление нежности и готовности раскрыть свои объятия. Как только замаячили большие деньги, то она сразу воспылала чувствами. Необходим максимум бдительности, чтобы не остаться последним лохом». Он сдержанно кивком головы поблагодарил за танец и хотел вернуться за стол, но соседка его придержала: Дождалась следующей песни в исполнении Жени Белоусова.

– А теперь спляши с Виолой.

– Я устал, – взмолился он.

– Тамила, не насилуй художника. Для этого есть постель, – с иронией произнесла риелтор. – Когда потребуется, мы спляшем и калинку-малинку, и гопака.

–Виола, душечка, сделай художнику приятно, называй его Рафаэлем. А то имя-отчество режут слух. Сидим, как на дипломатическом приеме или в суде по уголовному делу.

– Я не прочь, если Евдоким Саввич не возражает?

– Не возражаю, – отозвался Суховой, благодарный ей за сочувствие. И все же поинтересовался. – Виола Леопольдовна, а дети у вас есть?

– Нет, пока живу в свое удовольствие, чтобы не обременять себя лишними заботами и расходами. Меня бесит, когда злые языки осуждают одиноких женщин за сожитель-ство. Они же не виноваты, что по статистике на всех женщин мужчин не хватает. В дикой природе животные, те же собаки, даже микроорганизмы, постоянно спариваются и никого это не шокирует. Нам тоже следует избавляться от комплексов и предрассудков и жить по законам природы, а не быть ханжами. Каждая женщина вправе иметь, как минимум, два партнера из числа поклонников и покровителей. В двадца-тых годах прошлого столетия революционерка Александра Коллонтай, ставшая впоследствии послом Советского Сою-за, совершенно точно сравнила половой акт со стаканом вы-питой воды. И жажду, и сексуальное желание следует удо-влетворять без угрызений совести.

– Чаще всего сами бабы и осуждают женщин легкого по-ведения, – сказал Суховой.

– А судьи кто? Старые девы и выжившие из ума старухи лясы точат из зависти и печали о старости, – пояснила при-чину сплетен Швец.

За словами Виолы о поклонниках и покровителях он раз-глядел скопище ее любовников. Иронию риелтора худож-ник воспринял, как совет не соваться с суконным рылом

в калашный ряд. Он и сам сомневался, что сможет удовлетворить женщину таких габаритов с отменным здоровьем. Впрочем, Баляс своим богатырским телосложением отпугивала мужиков, которые рисковали быть нечаянно травмированными и раздавленными тушей во время экстаза.

– Что ты, Виола, душа нараспашку. Я бы никого не посвящала в свои интимные тайны. Это запретная зона.

– Пусть знает, что я востребованная женщина, не обделена вниманием и ласками самцов.

– Так ведь он, как сорока-белобока, на хвосте, разнесет сплетни, – предостерегла Тамила.

– Не разнесу, это у тебя язык, что помело, – упрекнул художник. – Бабы, у вас, что нет других тем, как только о любовниках и сексе? Получается, у кого, что болит, тот о том и говорит...

– Бабы копаются в навозе на фермах и полях, а мы благородные, светские дамы, – осадил его соседка. – К тому же сам, типун тебе на язык, начал с вопроса о замужестве. Размечтался о том, чтобы Виола тебя, трутня, кормила, поила и на руках, как мешок, носила. Для нее, будущей королевы Франции, ты ни ростом, ни умом не вышел. Поэтому не сутись, дыши ровно.

– Ишак и мул тоже малы, однако под стать породистому жеребцу, – привел он контраргумент. – К тому же я не претендую на сердце и руку Виолы Леопольдовны. Такая крепость мне не по зубам. Каждый сверчок знай свой шесток.

– Вот так пассаж?! Что же вы, Рафаэль, быстро и позорно капитулировали? – укорила его Баляс. – Не к лицу аристократу такие кренделя. Прежде за любимых женщин стрелялись и погибали на дуэлях или в бою, ради них совершали подвиги. Эх, перевелись Дон-Кихоты, Айвенго и другие доблестные рыцари без страха и упрека. Остались слюнтяи, нытики, готовые спрятаться под женской юбкой. Берите пример с лосей, оленей и других крупных животных в дикой природе. Они насмерть сражаются за право обладать самками. А вы привыкли к бесплатному меду.

– Не привык. Кроме эмоций и инстинктов человеку дан разум, чтобы он не ввязывался в сомнительные авантюры с непредсказуемыми последствиями, – ответил художник.

– Хитер бобер, дипломатично ушел от прямого ответа, – усмехнулась гостя. – Запомните, Рафаэль, пока сперма давит на череп, то есть мужик хочет бабу, то он живой. Как только угасло либидо, потерял интерес, то считай, ходячий труп.

– Могут быть другие интересы, хобби, например, искусство, живопись, – возразил он.

– Опять ты за свою живопись вцепился, словно утопающий, за соломинку, – накинулась Швец. – Носишься с ней, как дурень со ступой. Сам дал понять, что безнадежный импотент.

– Не тебе, язве, о том судить, – огрызнулся Суховой. – Я стал разборчив, жизнь научила, что с вашим коварным

племенем лучше не связываться, себе дороже. По молодости лет, когда шальная кровь бунтует, мужья и любовники носят на руках. А потом сами, на шею забираетесь и погоняете, как скотину.

– Не меряй всех одним аршином, – велела Виола Леопольдовна. – Лучше скажи, откуда взялись альфонсы и брачные аферисты? Молчишь, нечем крыть. Не обессудь, за их подлость и другим мужикам от обманутых женщин перепадает. Так что воспринимай, как должное.

У Евдокима Саввича не нашлось аргументов для возражения, а риелтор продолжила:

– Кто из вас видел фильм «Легенда о Нарайяме»?

– Ой, я видела! – воскликнула Тамила. – Там столько срама и блуда, что можно свихнуться.

– У кого, что болит, тот о том и говорит. Да, пошлости в фильме хватает, но речь о другом...

– О чем еще? – насторожилась Швец.

– Мне понравилась давняя японская традиция, – заявила Баляс. – Тех, у кого выпадает последний зуб, будь то старуха или старик, родственники, что моложе, относят на вершину горы Нарайяма. Там они умирают от голода, став пищей для птиц.

– Дико, негуманно. Впрочем, это происходило в стране восходящего солнца двести лет назад, когда царили такие нравы, – сообщил художник.

– Зато практично, – заметила Виола. – Во-первых, стари-

ки с ослабленным организмом были рассадниками болезней, эпидемий, поэтому их таким способом утилизировали. Вторых, избавляясь от них, экономили на еде. Это сейчас на каждом углу стоматологи, дантисты предлагают свои услуги, а тогда о зубных протезах даже не помышляли. В старости с беззубыми ртами оставались.

– Рафаэль, открой рот шире, – неожиданно велела Тамилла. – Сколько у тебя там зубов осталось? Может уже пора, как говорят японцы, то в яму, то в канаву.

– Не дожدهшься, – заявил Суховой.

– Рафаэль, прав, – поддержала Баляс. – Сейчас ситуация иная. Человек дуба дал, а вставные зубы целехоньки. Снимай с трупа и монтируй в другой рот. Поэтому поход в Нарайяму отменяется.

– Виола Леопольдовна, спасибо за солидарность, – отозвался художник. – Тамиле, этой чуме болотной, всякая ересь в голову лезет,

– Не ссорьтесь, жизнь тем прекрасна, удивительна и романтична, что она непредсказуема, – произнесла риелтор. – Рафаэль, почему бы вам для солидности и импозантности не отпустить бородку клинышком, какая была у всесоюзного старосты Калинина? Среди интеллигентов очень модно быть бородатым?

– Виола, ни в коем разе! – опередила Суховоя Швец. – В бороде могут расплодиться вши, гниды и блохи.

– Я за модой не гонюсь, – ответил художник. – А насчет

опасений по поводу вшей, гнид, блох и прочих паразитов, то Тамила явно преувеличила. Я строго соблюдаю личную гигиену и с бородой вполне бы сладил, но обойдусь.

– Ладно, коль вам не нравится борода, то взбодритесь, не будьте ретроградом, не исповедуете пассивный стиль жизни чеховского «человека в футляре», который повсюду твердил «как бы чего не вышло» и на этой почве раньше срока отбросил копыта.

– Я свое погулял, покуролесил, пора и остепениться.

– Рафаэль, не будь ханжой. С каких это пор ты стал праведником, моралистом? Видишь, какой барин, секс ему поперек горла стал. Что же нам с тобой, как тем старым бабкам на лавочках у подъездов, о погоде и болячках говорить?

– Нет, об искусстве, о живописи, – отозвался он и обратил взор на риелтора. – Виола Леопольдовна, я не сомневаюсь, что вы особа эрудированная, утонченная.

– Вы не ошиблись, у вас глаз-алмаз, – улыбнулась гостья.

– Тогда я вам с большим удовольствием расскажу о живописцах эпохи Возрождения и Ренессанса, – охотно оседлал любимого «конька».

– Га-га-га! – по-мужицки заржала Тамила. – Так зовут породистого жеребца-производителя.

– Сама ты – жеребец, – рассердился он и попенял. – Если не разбираешься в искусстве, то не встревай в разговор со своими глупыми репликами, а слушай, познавай неведомое.

– Рафаэль, твои нудные лекции о художниках-покойниках

Виоле по барабану, – небрежно махнула рукой Швец.

– Полотна, которые ты по своей тупости и глупости уничижительно называешь мазней, на аукционах Sorbis оцениваются в сотни тысяч, а то и миллионы долларов и евро.

– Неужели? Мне бы хотя бы одно такое полотно, то и горя бы не знала, – произнесла она.

– Размечталась, до такого полотна тебе не добраться, – усмехнулась Баляс. – Они в музеях, картинных галереях, в частных коллекциях и запасниках под надежной охраной.

– Эх, подруга, когда Рафаэль заводит свою «грампластинку» об этих усопших, то я зеваю от скуки и засыпаю, словно под колыбельную песню.

9. Силки для Рафаэля

Уставший от общения Суховой, заслышав тоскливый лай пса, с радостью сообщил.

– Пойду, навещу Джима. Тоскует, переживает, куда подевался хозяин. Пока есть дог и я живу. Если его не станет, то и мои дни будут сочтены.

Он собрал со стола обглоданные куриные кости и потянулся рукой за котлетой

– Не тронь, самим мало! – резким окриком остановила его Швец. – Не хватало еще на пса деликатесы переводить.

– Мясо и другие продукты за мои деньги куплены, – напомнил художник.

– Без разницы. Важно, кто котлеты сделал и сжарил.

– Пару котлет я возьму для себя, – решил он схитрить.

– Ешь здесь, на вынос не разрешаю.

– В этой квартире я хозяин, а вы гости, – возразил Евдоким Саввич и взял с тарелки две котлеты.

– Чтобы Джим ими подавился, – пожелала соседка, огорченная его строптивостью

– Типун тебе на язык, – не остался он в долгу

– Ладно, не будем портить праздник. А ты не будь пессимистом, а будь артистом. Подойди-ка, я тебе за доброту к животным еще коньячка французского плесну, – предложила соседка.– Любое полезное и доброе дело должно поощряться.

Суховей не соблазнился, а вышел на лоджию и вскоре слышался радостный лай Джима. На поводке завел его в комнату.

– Почему хвост не купирован? – упрекнула риелтор.

– Негоже издеваться над животным, портить красоту, – возразил художник.

– Купаж хвоста добавил бы ему шарма и сексапильности, – пояснила Виола.

– У меня свои представления о красоте: что естественно, то прекрасно, а остальное мираж, муляж, иллюзия, оптический обман.

– Подруга для вязки у Джима есть?

– Конечно, такой же породы Керри.

– Пусть ее владелец отдает половину щенков.

– Зачем они мне? Едва хватает денег на прокорм Джима.

– Как, зачем? Для продажи. Породистый щенок стоит от двухсот до трехсот долларов, – сообщила риелтор.

– Никогда спекулянтom не был и не буду! – решительно заявил Суховой и вместе с догом скрылся за входной дверью.

– Все-таки в художнике чувствуется благородство, аристократизм, белая кость, – произнесла Баляс, когда они остались наедине. – Наверное, дворянских кровей особь?

– Умеет старик пустить пыль в глаза, – улыбнулась Швец. – Да, в молодые годы, еще тот гусар был, гуляка, очень зажигал и кутил. Повезло ему, отхватил двухкомнатную квартиру.

– Так и тебе подфартило. Как барыня-сударыня живешь в трехкомнатной распашонке чешской планировки с паркетом.

– Да, очень повезло? – с давней обидой произнесла Швец. – Чтобы ее получить пришлось одному хапуге из отдела по учету и распределению жилья отвалить крупную сумму и еще пять лет бесплатно давала по первому звонку. Ненасытный был, заездил он меня. Очень обрадовалась, когда сотрудники из ОБХСС взяли жирного борова за холку. Погорел на крупной взятке и загремел на десять лет. Так ему и надо. Дошла моя молитва до Моисея, заступника нашего. Ох, и натерпелась я от садиста....

– В самом начале заявила бы в милицию или прокурату-

ру, – промолвила Баляс.

– Ты, что, сдурела?! У меня бы сразу забрали квартиру, впяили бы срок за дачу взятки. Он меня этим шантажировал, держал на крючке, нагло требовал природы, то есть сексу.

– Да, пожалуй, ты права. Пришлось бы тебе, подруга, попариться на нарах в камере с «ароматной» парашей...

– Типун тебе на язык. Господь миловал. А для себя я сделала вывод: чем человек богаче, тем жаднее.

– Мг, это и ежу понятно, – усмехнулась Баляс. – Тебе еще крупно повезло, что не конфисковали квартиру, полученную за взятку и блуд вне очереди.

– Не завидуй, Виола. Я вот, что тебе на правах лучшей подруги скажу, – с интригой, дабы уязвить, произнесла Тамила. – За два месяца, что мы не виделись, тебя разнесло, как на дрожжах. Совсем разъелась, окоровела. Может, беременная?

– Я предохраняюсь, ем лимоны, гранат, хурму, киви...

– Это тебя от фаст-фудов, чипсов, гамбургеров и хот-догов, как на дрожжах, разнесло. Употребляешь всякую гадость, а я предпочитаю экологически чистые продукты. Завсегдатаи Макдональдс рискуют превратиться в жирных свиней, гипертоников и диабетиков. Ты тоже быстро набираешь вес, можешь заболеть сахарным диабетом или раком, который любит упитанных людей, – спрогнозировала подруга.

– Не каркай! – оборвала ее риелтор. – Сколько тебе говорить, что я не жирная, а спортивная? И по поводу своих

габаритов не парюсь. Одна печаль, ногам тяжело такое тело носить. Поэтому я не пешеход, а пассажир.

– Перейди на диету.

– Пробовала и через две недели кожа на лице и в других местах обвисла, как у бульдога. Решила себя не истязать и прекратила эксперимент. Мне ведь на подиум не выходить.

– И то верно, – согласилась Швец, но в следующее мгновение Баляс нанесла ответный удар:

– А тебе, чтобы не умничала, не вставляла шпильки, советую усиленный откорм. А то ведь загнешься от чахотки или тифа...

– Чур, меня, чур меня! – всполошилась подруга и миролюбиво попросила. – Виола, не злись. Взясась за гуж, не говори, что не дюж. Рафаэль еще тот тюфяк. Мы с него сдерем по максимуму. Вместе придумаем что-нибудь оригинальное, чтобы валюты привалило. Ты ведь любишь шальные деньги?

– Кто их не любит, – усмехнулась риелтор.

– Давай за приток валюты выпьем, – предложила Швец. Они свели фужеры с коньяком. Раздался, ласкающий слух, хрустальный звон.

– Тамила, что-то у нас пошло экспромтом, не по сценарию, – посетовала гостья. – Тебе надо срочно Рафаэля соблазнить и выйти замуж. Обязательно заключи брачный контракт, чтобы не шаляй-валяй.

– У него, наверное, уже не маячит. Зачем мне импотент?

– Накормишь его молодильными яблоками, напоишь ко-

зьим молоком. Если не поможет, то настойкой на корне женьшеня и сразу замаячит. Будет стоять, как штык! – обнадежила риелтор.

– Замаячит, если корень подвязать, – не разделила ее оптимизма Тамила.

– Конечно, Рафаэлю до Гришки Распутина, который до самой своей гибели баб табунами баню водил и там с дикой страстью в оргиях освящал своей спермой, нашему художнику очень далеко, – вслух рассуждала Баляс. – Однако он еще не совсем старый, два-три раза в месяц сможет на тебя наползти и бросить палку...

– Откуда ты знаешь, что Распутин с бабами в бане парился? – спросила Швец.

– Эх, ты темнота, – усмехнулась риелтор. – Иногда между застольями следует книги заглядывать. Советую почитать роман Валентина Пикуля «Нечистая сила». Там много чего о Гришке Распутине, его распутстве, связях с царской семьей написано. Благодаря гипнозу этот мужик спасал наследника престола Алексея от гемофилии и поэтому царица Александра в нем души не чаяла. Подозревают, что он наставлял рогам Николаю 11. Нынче таких неутомимых самцов нет, перевелись, вымерли, как мамонты, настоящие гладиаторы в любви и сексе. На одну палку и то неспособны. Поэтому процветает лесбиянство, женщины вынуждены скупать искусственные из пластика, силикона фаллосы и другие аксессуары в секс-шопах и заниматься самоудовлетворением.

– Да, из-за мужиков импотентов, саботажников и симулянтов вынуждены голодать и страдать, – подтвердила Тамила.

– Впрочем, нет худа, без добра. Если Рафаэль окажется импотентом, то это к лучшему. Включи в контракт пункт об ответственности за неисполнение супружеского долга, вплоть до развода, – наставляла Виола. – Если окажется, что неспособен работать вялым членом, то пусть ублажает твои прелести языком. Будет ему наукой, как жениться на молодой красавице...

– Мг, спасибо за комплимент, но мне уже сорок два стукнуло, – вздохнула Швец.

–Сорок два, не восемьдесят. В сорок пять, в сорок пять баба ягодка опять, – напевала риелтор. – Не паникуй. Дитя он сотворить не сможет, поэтому спутай его по рукам и ногам брачным контрактом, чтобы не сбежал. Так поступают светские львицы, чтобы обобрать олигархов.

–Но ведь то олигархи, жирные коты и денежные мешки, а Рафаэль голодранец?

– С паршивой овцы – хоть клочок шерсти. Курица по зернышку сокровища собирает.

– От него, словно от кобеля, разит псиной. Ни одна баба в постель не ляжет.

– Прекрасно, что пахнет кобелем, а не махоркой или самогоном. Некоторых дам этот аромат сильно возбуждает, – возразила Баляс. – Поживешь с ним для приличия пару ме-

сяцев, а потом сдашь в дом для престарелых. Приберешь к рукам его квартиру и имущество. Я тебе помогу от него избавиться, заявлю, что он домогался моего тела. Загребут за попытку изнасилования.

– Не поверят, чтобы шпендик мог овладеть такой крупной бабой?

– Поверят, у меня блат в милиции. Посулю пару сотен долларов или евро и быстро сошьют дело, – заверила риелтор.

– Не хочу лишних хлопот с Рафаэлем. Уж лучше быть одной, чем с кем попало – такой у меня девиз, – заявила Швец. – Это в молодые годы ночь и день, проведенные без женщины, Рафаэль считал пропащими. А теперь за свои грехи расплачивается импотенцией, половым бессилием.

– Ты на него наговариваешь. Наверное, угнетают старые обиды и ревность? Забудь, все перемелется, останется мука.

– Вот именно мука, – Швец сделала ударение на первом слоге. – Он меня в гроб загонит, если пойду с ним под венец.

– Ха-ха-ха! Га-га-га! – рассмеялась риелтор. – В свадебном платье с фатой и под венец, словно недотрога. В твоей беспорочности я очень сомневаюсь, это не твоя ипостась. На этом белом свете лишь две ценности: жизнь и время. Не следует откладывать на завтра, то, что можно сделать сегодня. Рафаэлю недолго осталось коптить небо, не упusti свой шанс. Эх, допились барышни, вместо того, чтобы художника разжалобить, обворожить, мы озлобили. Выходи за него замуж?

– Зачем? – удивилась Тамила и сама же ответила. – Чтобы каждый день видеть пьяную рожу, стирать и гладить сорочки. Поищи овцу в другом месте.

– Разумно, личная свобода выше семейных уз. Вот и я не тороплюсь себя обременять семейными заботами. Может наша тактика к Рафаэлю, из огня, да в полымя, принесет успех? От таких перегрузок и стрессов быстрее загнетса. Прошло время, когда женщина считалась рабой. Сейчас все кричат о гендерной политике и равенстве.

– Тамила, с твоим скверным характером сложно будет устроить личную жизнь, – с сочувствием промолвила Баляс. – Не упusti свой шанс, выходи за художника.

– Это почему же сложно?

– Потому что плоская, как доска, мужики чаще всего западают на женщин с пышными формами. В первую очередь обращают внимание на бедра, ягодицы, грудь и ножки, а уже потом на мордашку. К тебе скоро и альфонсы потеряют интерес.

– Что же делать?

– Обратись к пластическому хирургу и попроси, чтобы закачал силикон в твои прыщики, – усмехнулась Виола. – А то торчат, словно у козы-дерезы, в разные стороны.

– Зато у тебя полна пазуха, – взбрыкнула Швец. – Закачай себе силикон в з.....

– Тамила, не груби, схлопочешь на орехи. Плюну на все и возись со своим непризнанным гением. Не пристало мне

ради штуки долларов корячиться. Не будь бревном, приласкай его. Используй главное средство, о котором одна поэтесса очень точно сказала, что в женской слабости наша сила. Из разговора и поведения Рафаэля я поняла, что он наивный лопух. Мы будем последними овцами, если не окрутим его, не обведем вокруг пальца.

– Виола, ты права, прости, я погорячилась, – покаялась Швец.

– Ладно, лучше признайся честно, давала художнику, а теперь мстишь? – пристально поглядела на нее Виола и, подметив, что та встрепенулась, заерзала ягодицами на стуле, сказала. – Можешь не отвечать. Понятно, что охотно давала и не один раз.

– Эх, Виола, прямо ясновидящая, от твоего пронизательного ума, интуиции ничего не скрыть. Тебе бы следовало участвовать в телепрограмме «Битва экстрасенсов», без приза бы не осталась.

– Не царское это дело. Зачем «светиться» по телевизору, приковывать к себе пристальное внимание компетентных органов, когда можно жить тихо и в достатке, – усмехнулась риелтор.

– Каюсь, грешна. Ложилась под Рафаэля, когда ему за фуфло платили гонорары, ох, так и наворачивается на язык гонороя. Он не скупился на подарки, духи, косметику, шампанское, цветы, шоколад, – ответила Швец. – А когда обнищал, просил в кредит, так я дала ему от ворот поворот. Ска-

зала, что за удовольствие надо платить.

– Сурово, бессердечно. Теперь, когда на него свалилась квартира, наверное, жалеешь, что не оформила брак.

– Не могу простить ему измены. Когда он был молодой и купался в лучах славы, то не пропускал ни одной юбки, – пожаловалась Тамила. – Сколько я горячих слез тогда пролила, чуть не поседела от ревности и злости.

– Ха, нашла проблему. Да редкий мужчина, если он не импотент и не кастрат, не волочится за чужими юбками, – заметила Баляс. – Мужчины по своей природе самцы, охотники. Не задумываясь, ради удовольствия, разбрасываются спермой. Это мы вынуждены постоянно думать о последствиях, плодах сладкого греха. Запомни, что тело тленно и поэтому эту оболочку, плоть бесполезно беречь, все равно черви съедят, а вот душа – вечна. Не следует откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Ведь жизнь коротка и хрупка. Рак, саркома, СПИД, лейкемия и прочая зараза могут ее раньше времени оборвать и загнать в гроб.

– Виола, ты на все сто процентов права. Я тоже об этом часто думаю, – отозвалась Тамила.

– Индюк думал и в суп попал. Надо не думать, а действовать. Тем более что Рафаэль отлично понимает, что его поезд уходит и скоро для него наступит момент, когда хочется, но не может. Мужчины очень болезненно воспринимают свою неполноценность и ущербность в сексуальной сфере. Кто порадует старца? Лови свою удачу.

– Тебе с того, какая корысть?

– Стараюсь для тебя, ради спортивного интереса. Только сразу не требуй переписать на тебя квартиру, имущество. Поступай осторожно, последовательно, чтобы он не запаниковал и не дал стрекоча. Ведь и без того после регистрации брака получишь право на наследство. Став женой, провоцируй скандалы, доведя его до инфаркта или инсульта, и старик сыграет в коробок. Никто тебя не заподозрит в его смерти. Оказавшись богатой вдовой, быстро выскочишь замуж за молодого альфонса.

– У тебя не голова, а Дом советов, – польстила Тамила. – Получается, что женщины несчастны из-за мужчин-саботажников, не выполняющих свою главную функцию.

– Конечно, так оно и есть. Перевелись рыцари без страха и упрека. Ныне из-за прекрасных дам никто, как Пушкин или Лермонтов, не стреляется на дуэлях. Предпочитают жить с клеймом позора и поруганной честью.

– Виола, что же делать? – жалобно, едва не прослезившись, спросила Швец. – Я ведь тоже невестребованная. Рассталась со своим альфонсом, дармоедом.

– Надо надеяться только на себя, свой ум, хитрость и предприимчивость. А мужиков, вопреки их желанию, превращать в меценатов и спонсоров, но не таких вшивых, как Рафаэль. По поводу альфонса не печалься. Я найду для тебя страстного бой-френда

Мгновенно замолчала, услышав приближающиеся шаги.

– Вот и мы! – Суховой появился с Джимом на поводке. Тот, заняв бойцовскую стойку, громко облаял гостей:

– Гав! Гав! Гав!

– О, какой невоспитанный пес, – произнесла Баляс.

– Он не терпит запаха алкоголя, – пояснил хозяин.

– Уведи этого волкодава быстрее, чтобы его духу здесь не было. Всю обедню псиной испортит, – приказала Швец. – Даже французские духи «Шанель №5» и «Опиум» не могут перебить мерзкую вонючесть. Боюсь, что он меня однажды покусает и загрызет, а бешенство неизлечимо.

– Он привит от бешенства и к тому же отличается спокойным нравом и добротой. Вы ничем не рискуете.

– Дай то Бог, – заметила Тамила. – И все же у меня душа не на месте. Уж больно у него устрашающий вид и дикая сила.

Художник аккуратно провел дога через комнату в прихожую, а затем за пределы квартиры на прогулку в парк.

– Совсем Рафаэль помешался на доге, – заметила Швец. – Прокру от него никакого.

– Не скажи, породистый бойцовской или служебной породы пес со знатной родословной является атрибутом состоятельности, престижности и силы, – возразила риелтор.

– Ха-ха, нашла в Рафаэле состоятельного олигарха, – рассмеялась Тамила. – Когда он и был при деньгах и славе. Мне немного удалось погреться в ее лучах. Но все растратил на баб, да и братец Никита с него много потянул и загнулся от цирроза печени.

– О покойниках плохо не говорят. Хорошо или нечего, – напомнила Баляс. – Конечно, на статус олигарха художник не потянет, но обеспеченным человек после продажи квартиры станет.

– Это мы должны стать обеспеченными. А ему валюта противопоказана, все равно пропъет, пустит на ветер. А денежки любят счет.

– Любишь ты считать чужие денежки, – усмехнулась Виола.

– Ты к ним тоже равнодушна, ведь денег много не бывает.

Баляс, выпучив глаза, словно объектив перископа, пристально поглядела на подругу.

10. Заздравные тосты

Через полчаса Суховой возвратился с прогулки, довольный общением с любимым псом. Захмелевшие женщины встретили припевом:

– Пей до дна, пей до дна...

Тамила на блюдечке подала ему рюмку, наполненную водкой.

– Мне бы граммов пятьдесят коньяку, – попросил он.

– Рафаэль, ты что, сдурел? – округлила она глаза. – Коньяк женский напиток. Глуши водку, она полезнее.

– Шампанское считают женским напитком, – возразил ху-

дожник.

– Меня от него пучит, – призналась соседка.

Все же польщенный почитанием и обходительностью, Суховой не посмел отказаться от водки.

– Пью за прекрасных женщин и за “братьев наших меньших”. За моего Джима, – произнес он, довольный неожиданной, удачной рифмой. Стоя, как подобает офицеру, осушил рюмку.

– Ох, и крепкая водка, что-то он меня быстро разобрало, – посетовал Суховой, вдруг ощутив неприятный озноб.

– Наверное, ты, Рафаэль, давно не употреблял. Пил только минералку, да козье молоко, – Тамила усмехнулась и подмигнула подруге. – Виола, держи Рафаэля за руки, а я ему в рот запишаю жабичу лапку. Распробует, поймет, какая вкуснятина. Его, паразита, тогда за уши не оттащишь...

Соседка схватила с блюдечка заскорузлыми, униженными золотыми перстнями и кольцами, пальцами деликатес, и решительно поднялась.

– Бабы, вы, что сдурели!? Пошли к черту с жабой! – художник соскочил со стула. – Эту гадость даже Джиму не позволю кушать. Я знаю, что жабами питаются цапли и змеи. Только деньги впустую потратил на эту французскую гадость

– Какой ты невежа, лягушечьи лапки – самый пикантный деликатес. Рафаэль, у желудка нет глаз, – сделала открытие соседка. – Он все принимает и переваривает. Все, что в рот полезло, то и полезно.

– Это не значит, что надо все подряд тащить в рот. Головой надо думать, – возразил Суховой.

– Поэтому игра стоит свеч.

– Каких свеч, поминальных?

– Да ты, белены объелся? Перекрестись и не груби, смерд, когда рядом светские львицы, – упрекнула Тамила. – А еще раз мечтался попасть на выставку в Париж со своей мазней, дурья твоя башка. Там тебе пришлось бы не только лягушечьи лапки, но и бычьи яйца смаковать, ведь Испания и Португалия под боком. Поэтому пробуй, набирайся опыта, чтобы не выглядеть белой вороной, иначе в следующий раз не пригласят.

– Когда пригласят, тогда и попробую, – ответил Суховой.

– Успокойся подруга. Баба с воза, кобыле легче, – смакуя лягушечью лапку, заметила Баляс. – Где ему понять и оценить прелести французской и других европейских и восточных блюд. Кроме русской и украинской и, то в урезанном виде, ничего не дегустировал. А я искусная – гурманка. Кроме лапок, улиток обожаю рябчиков, перепелок, морские деликатесы: омары, лангусты, креветки, устрицы, кальмары, а также виноградные улитки. Это очень пикантный деликатес.

«Это сколько же надо угробить улиток, чтобы насытить ее требуху? Они же очень малюсенькие, – с ужасом подумал художник.

– Ра-фа-эль! – крикнула ему в оттопыренное ухо Швец. – Что ты сидишь, старый пень? Запоминай или записывай

блюда, о которых говорит Виола. Пригодится, когда потребуется снова накрывать стол.

– Я – не стенографистка, – прикрыв ухо ладонью, огрызнулся он, опасался за сохранность барабанных перепонок. – Не кричи, как будто тебя режут, я не глухой.

– У тебя в одно ухо влетит, а в другое вылетит. Как дырявое решето, ничего не помнишь.

– Где я вам соберу виноградные улитки?

– На плантации винограда, – заявила Тамила.

– Те не годятся, выращивают специальных улиток, – сообщила Баляс. – Эх, Франция, Париж, как мне вас недостает. Вот там жизнь, как у Бога за пазухой. Конечно, без улиток можно прожить, а вот красная рыба, балыки из нее, черная, красная и паюсную икра обязательно должны быть на столе. А из напитков я предпочитаю армянский коньяк «Ararat», который любил английский премьер Уинстон Черчилль. И шампанское «Кристалл».

– Пусть вас Черчилль коньяком угощает. А я люблю райские яблочки и птичье молоко, только кто мне их достанет? – иронизировал Суховой. – Надо соизмерять свои потребности с возможностями. У меня нет монетного двора и печатного станка.

– Не ерничай, веди себя тактично, – одернула его Швец. – Мне гурман-конкурент не нужен, самой мало. Пусть ливерной колбасой давится, если на балык и салями пожадничал.

– У меня нет печатного станка, живу на нищую пенсию, –

напомнил о своем статусе Суховой

– Зато в молодости погулял и, покуролесил, баб вдоволь помял, – уязвила его Швец.

– Что было, былшем поросло. А теперь нет повода для застолий, лишь иногда пивком забавлялся и чувствовал себя отлично. Предпочитаю пиво «Балтика», «Черниговское» или «Славутич», а больше кефир, йогурт или минералку...

– Минералку, кефир. Ох, и шутник-затейник, – засмеялась Баляс. – Пока совсем не окосели, покажите мне документы на квартиру, техпаспорт, акт о наследовании.

– А что их смотреть, документы подлинные. Ох, бабоньки, хорошо сидим и гудим!

– Не заговаривайся, где ты видишь бабок? Перед тобой благородные светские дамы, – упрекнула соседка.

– Бабоньки звучит ласково, доверчиво.

– Не тебе нас ласкать и мять. Для этого есть мужчины-рыцари на белых конях и с валютными счетами в банках, а ты, пока что голодранец, – пристыдила Тамилу.

– У меня тоже скоро будет счет.

– Когда будет, тогда другой разговор.

– Что-то я устал. Укатали, видно Сивку, крутые горки, возраст дает знать, раньше не вылезал из творческой богемы, – посетовал он, решив свернуть тему.

– Рафаэль не притворяйся доходягой, – ухмыльнулась Швец. – Косишь под бедного еврея, а я эту публику знаю. Этот номер у тебя не пройдет. Если хочешь, чтобы мы ушли,

то скажи, не придумывай разные сказки. Мы взрослые люди, нечего юлить и мудрить мозги.

– Я, что попало, не ем, – с гордостью заявила гостья.. – Только экологически чистые, свежие без ГМО, нитратов и сульфатов продукты. На хот-доги, гамбургеры, фаст-фуды, не смотрю, тошнит. «Макдональдс» обхожу десятой дорогой. Уважаю и берегу свой организм и вам советую в еде быть щепетильными и осторожными.

– Рафаэль, не сиди, как пень трухлявый, а бери ценные мысли, изречения на заметку, – велела Швец. – У Виолы Леопольдовны, максимально занятой важными делами, нет времени на повторение.

– Уже взял, – кивнул головой художник.– Конечно, человек всеяден, но не до такой степени, чтобы употреблять лягушек. Даже в годы голода люди брезговали.

Суховей старался контролировать свои слова и действия, чтобы нечаянно не обидеть знатную гостью. По мере повышения градуса в мозгах и алкоголя в крови, ощутил себя раскованно, как птица в свободном полете.

– Уважаемая мадемуазель, вам бы при таких гастрономических пристрастиях к лягушатине следовало бы, словно черепахе Тортиле, жить в болоте...

Увидел, как риелтор оторопела, замерла с открытым ртом. Выпучила глаза из орбит, а лицо полыхнуло жаром.

– Ну, спасибо. Тамила Львовна, удружила, – наконец вернулся к ней дар речи. – С кем ты меня познакомила?

– Поднявшись из-за стола, сама же и ответила:

– С неотесанным забулдыгой Дуремаром. Если бы я не была при исполнении, то за оскорбление личности врезала бы ему промеж глаз, покатился бы колбасой.

«Полный фиаско, катастрофа» – запаниковал художник, следя за ее руками и опасливо отойдя от стола.

– Виола, Виолочка, не обращай на него внимания, ешь, сколько влезет, – забегала вокруг нее Швец. – На Рафаэля иногда находит, бывает неадекватным. Особенно, когда заложит за воротник лишку, такие заскоки случаются. Сама ведь знаешь, что у трезвого в голове, то у пьяного на языке... Будущий пациент психиатра и жилец дурдома.

– Тем более, – властно изрекла Баляс.

– Рафаэль, сейчас же ползи на коленях и проси у Виолы Леопольдовны прощение за оскорбление, иначе расстанемся лютыми врагами.

Евдоким Саввич, осознавая, что рушится надежда, выгодно продать квартиру усопшего Никиты, понурил голову и жалобно признался:

– Виола Леопольдовна, простите меня великодушно за глупую шутку. Сам не знаю, как с языка сорвалось.

Она высокомерно с презрением окинула его холодным взглядом.

– Рафаэль. За то, что ты довел мою любимую подругу до стрессового состояния, я на твоей глупой башке разбила бы ночную вазу. Проси, проси прощение, целуй щедрю руку.

Суховей, охваченный паникой, склонил колени, поцеловал холеную руку с нанизанными на пальцы золотыми перстнями и кольцами с самоцветами.

– Только из уважения к Тамиле, я готова помочь при условии, что клиент будет беспрекословно исполнять все мои приказы и рекомендации, – четко потребовала риелтор.

– Виолочка, не обижайся, он готов, – вместо художника ответила Швец. – Он от радости онемел, слова не может вымолвить.

Ему в знак согласия осталось лишь кивать головой.

– Давайте за это и выпьем на посошок, – предложила Виола Леопольдовна.

– Боже, дай завтра тоже, чтобы всегда было, что выпить и закусить, – пожелала Тамиле. «Держи карман шире, – с грустью подумал Суховей. – На мои денежки гулять на широкую ногу каждый мастак. Полный пансион».

– Виола, там у нас в холодильнике, – соседка указала взглядом на кухню, – осталась бутылка коньяка «Коктебель» и упаковка «жабичих лапок». Не забудь перед уходом взять с собой в качестве презента, а то маляр их замыкал...

– Не у нас, а в моем холодильнике, – мрачно произнес Суховей, намеревавшийся припасти коньяк себе, чтобы принять для аппетита по 50 граммов на грудь перед едой и подумал: «Вот, зараза глазастая, ничего от нее не спрячешь». – Ты, Тамиле, в этой квартире не хозяйка, а гостья, поэтому не командуй парадом. Прожорливы, как саранча, вся пенсия на

пропой и продукты ушла. Теперь я понимаю Вольтера, написавшего: «ненавижу женщин за то, что они помнят, где что лежит».

– Хрен моржовый твой Вольтер, – перебила соседка. – Наверное, сам страдал склерозом и завидовал женщинам.

– Тамила, ты хотя бы знаешь, кто такой Вольтер? – с иронией спросила Баляс.

– Какой-нибудь барыга, судя по фамилии, плюгавый.

– Эх, темнота. Запоминай, знаменитый француз, философ, поэт, драматург, – сообщила риелтор. – О такой личности стыдно не знать.

– Зачем забивать голову тем, от чего никакой пользы, – заметила Швец.

– Виола Леопольдовна, ее великие люди не интересуют, знаниям предпочитает скудоумие, корысть, – вздохнул художник.

– Не ворчи, старый пень. Для тебя же стараемся, – одернула его соседка. – Как только у тебя язык повернулся и не отсох упрекнуть нас в обжорстве? Мы по ночам не смыкаем глаз, думаем, как тебе, старому мерину, помочь.

– Знаю, почему ты не спишь, – усмехнулся художник. – Всю ночь пружины в диване скрипят и слышатся стоны и крики. Разных жеребцов и кобелей водишь. Стыд и срам, не квартира, а бордель.

– Это, не твое собачье дело! – резко осадила его соседка. – Я – женщина молодая, темпераментная и не могу себе отка-

зывать в земных удовольствиях. Тело принадлежит человеку и он вправе им распоряжаться по своему усмотрению. Оно тленно и нет смысла его хранить и жалеть, а вот душа принадлежит Богу, она вечна. Туда я никого не пускаю. А ты, от зависти надулся, как мыльный пузырь. Гляди, не лопни.

– А ты обжора до белой горячки.

Соседка на мгновение потеряла дар речи, не ожидая от него такой строптивости, а потом вскипела, словно самовар:

– Рафаэль, как тебе не стыдно?! Ты меня своей скупостью поразил в самое сердце. Ты же не бич, а интеллигентный человек, художник, и вдруг такое дикое жлобство?– упрекнула она. – Я тебя, сосед, не узнаю, ты превращаешься в скупердяя. Да, подавись бутылкой и лягушатиной!

– Не грызитесь, – сурово велела Баляс, заметив, как у Суховея от возмущения задрожали руки. – У меня такое железное правило: ни с банкетов, ни с кладбища ничего не брать. Это признак дурного тона и зловещая примета. Давай-ка сюда любимые «жабичи лапки». Их я с большим удовольствием поймаю.

– А я вот не верю в глупые приметы. Назло крохобору заберу и коньяк для растирок и компрессов, и баночку черной икры, чтобы он не спился и не объелся.

– Чтоб ты сама объелась до заворота кишок, – пожелал художник и отправился на кухню за «жабичими лапками». Их прожорливая Виола Леопольдовна слопала в мгновение ока. Потянувшись от удовольствия всем телом, заявила:

– Обожаю блюда французской кухни. Они изысканны и пикантны, а вот китайцы в пище неприхотливы.

– Потому, что их больше одного миллиарда и двухсот миллионов. Попробуй-ка, накорми такую ораву, – вставил реплику художник.

– Рафаэль, ты прав. На этот счет есть анекдот; китайцы кушают все, что ползает, кроме танка и все, что летает, кроме самолета. Ха-ха-ха... Почему не ржете?

– Остроумно, но, если бы среди нас был китаец, то обиделся бы. У них тоже есть изысканные блюда, в том числе из морепродуктов и ядовитых змей, – напомнил Суховой и сообщил. – Некоторые гурманы в восторге от саранчи в соусе, тараканов в кляре, устриц и улиток...

– Фу, какая гадость! – скривила мину Тамилла. – Сейчас же прекрати отравлять аппетит. Это у тебя самого тараканы в голове завелись.

– Почему хохлы обожают свинину, сало? – продолжил он.

– Менталитет, дело вкуса, – неуверенно ответила Баляс.

– Не угадали. В средневековье, когда существовало Крымское ханство, татары, совершая набеги на украинские земли, угоняли людей в рабство, забирали коров, лошадей, овец, коз, мелкую живность, а вот свиней не трогали.. Свиней они считают грязным животным, ислам запрещает их употреблять в пищу.. Поэтому ушлые хохлы в массовом порядке занялись разведением свиней.. С того времени и возникла эта традиция, хотя на рынке сейчас в основном, сало из Польши,

невкусное, словно мыло. На рвоту тянет.

– Очень убедительная версия, – сказала риелтор.

– А я полностью солидарный с принцессой Дианой, призывавшей не убивать и не употреблять тех, кто имеет лицо, – оживился Евдоким Саввич. – А именно животных, рыб, птиц, пресмыкающихся и насекомых. По калорийности грибы вполне заменят мясо...

– Особенно бледная поганка и мухомор, – ввернула реплику соседка. – Вот ты ими и лакомясь, а мы с Виолой ели, так и будем кушать натуральное мясо. Ты нам не указ!

– Берите пример с Дианы, царство ей небесное. Погибла в автомобильной катастрофе. Возможно, спецслужбы Великобритании причастны к ее гибели. Постарались не допустить смешения королевской крови с арабской, чтобы сохранить чистоту династии королевы Елизаветы 11. До сих пор гибель принцессы покрыта тайной.

– Оно тебе надо, Рафаэль? Меньше будешь знать, спокойнее спать, – напомнила Тамила.

– Любо-дорого за вами наблюдать. Сладкая парочка, – неожиданно заявила Баляс. – Поворкуйте голубки в спальню, а я подожду, посмакую лапки. Мне торопиться некуда.

– Виола Леопольдовна, вы же давеча говорили, что у вас время на вес золота? – напомнил Суховой.

– Для вас я делаю исключение. Представьте, что вы остались наедине. Не робейте, действуйте. А ты, Тамила, не скупись на ласки, одари художниками прелестями, тебя не убу-

дет.

Швец проявила инициативу – взяла Евдокима Саввича за руку, чтобы увлечь в соседнюю комнату, но он смутился, заупрямился:

– Тамила, не искушай, неудобно, потом...

– Неудобно штаны через голову одевать. Дорога ложка к обеду, – с показной обидой упрекнула она.

– Эх, художник, вы меня разочаровали. Тамила к вам душой и телом, а вы, как глупый телок. Настоящий мужчина показал бы, на что способен? Второго шанса может не быть. Ладно, отлично поработали, хорошо посидели, пора и честь знать! – с широкой улыбкой сообщила риелтор, посчитав излишним благодарить щедрого спонсора. «Работа у тебя не бей лежащего. По сути, ничего не сделала, а пожрала за троих, – подумал художник. – Все больше никаких банкетов и фуршетов, иначе из-за ненасытных баб вылечу в трубу».

Выпили на посошок. Швец хотела напомнить о кофе с десертом, но Баляс ее опередила.

– Еще бы посидели, но времени в обрез, – нехотя поднялась риелтор, обзрев бутылки и блюда с остатками напитков и закуси. – Спасибо за хлеб, за соль. Завтра утром будьте, как штык, поедим к нотариусу оформлять генеральную доверенность. А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил. И если не возражаете, то я возьму с собой на дорожку бутылку с остатками коньяка. Не пропадать же добру? Вдруг поднимется давление, а коньяк лучшее лекарство для его понижения?

– Конечно, Виола Леопольдовна, какой разговор.

– Я сразу поняла, вы щедрый человек, душа нараспашку.

Спокойной ночи и сладких сновидений, – пожелала она.

– Рафаэль, почему бы тебе не подарить Виоле, какую-нибудь картину. Например, морской или горный пейзаж и обязательно с автографом? – неожиданно предложила Тамилы. – Я это к тому, что когда ты умрешь, то память о тебе надолго останется в картинах.

– Спасибо за мрачную перспективу, – хмуро оборвал он.

– Не обижайся, все люди смертны. Вечна только душа.

– Без тебя знаю, но не этично об этом постоянно напоминать.

– Картины, в отличие от мнения Тамилы, мне очень нравятся. Охотно приму подарок, – разрядила их конфликтный диалог риелтор. – Подбери сами что-нибудь к следующей встрече. А, если не возражаете, то я сама выберу. А на сегодня достаточно впечатлений.

– Не возражаю, – отозвался художник, решив к тому времени припрятать лучшие из своих живописных творений.

Насытившись, Баляс тяжело поднялась из-за стола.

– Рафаэль, я останусь, помогу тебе убрать и помыть посуду, – предложила Швея свои услуги. – А потом попьем чаек или кофе с малинкой-калинкой. Покалякаем, о нашей первой любви, понежиться в постельке.

– Нет, нет, я сам управлюсь, – поспешно отказался он.

– Тогда сам через часок, я успею принять ванну, загляни

ко мне на огонек. Только без Джима, – не оставляя попыток заманить в любовные сети, пригласила соседка.

– Спасибо, Тамила, но с меня довольно, устал, на сон клонит. Как-нибудь в другой раз.

– Другого раза может не быть. Не все коту масленица, – с обидой ответила оскорбленная в своих чувствах женщина. Чтобы разрядить напряжение риелтор напомнила о себе.

– Евдоким Саввич, то бишь, Рафаэль, завтра встречаемся. Не забудьте взять с собой паспорт, идентификационный код, документ на право собственности на квартиру брата и двести долларов для уплаты за оформление гендоверенности, – предупредила Баляс. – Эту процедуру совершим в городской нотариальной конторе №1. Там старшим нотариусом работает моя давняя знакомая, поэтому все пройдет быстро без проблем.

– Разве я должен платить? – с огорчением спросил художник.

– А кто же? Может дед Мазай с зайцами? – удивилась Виола. – Это ваша затея с продажей квартиры. Мне от этой сделки никакого проку, одни хлопоты. Согласилась по просьбе Тамилы Львовны, чтобы не обидеть, почитай, ради спортивного интереса.

– Почему так дорого? – Сухойей почесал затылок.

– С этим вопросом обращайтесь в Минюст. Не я устанавливаю тарифы, – ответила гостья.

– Может мне, как пенсионеру, члену Союза художников,

полагается льгота со скидкой?

– Лишь ветеранам войны и участникам боевых действий, а вы, судя по возрасту, пороха не нюхали, – усмехнулась Баляс. – Или может в Афгане душманов мольбертом и кистями по голове били?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.